

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»**

**Филологический факультет
Кафедра общего и русского языкознания**

**Выпускная квалификационная работа
РЕЧЕВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИИ УГРОЗЫ В
ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**Направление подготовки: 45.03.01 Филология
Программа подготовки: Отечественная филология**

«Допущена к защите»

Протокол № _____ от _____ 2021 г.

Заведующий кафедрой:

Китанина Элла Анатольевна,
доктор филол. наук., доцент

Руководитель

образовательной программы:

Ионова Светлана Валентиновна,
доктор филол. наук, профессор

Автор работы:

Габдрахманова Евгения
Владимировна

Научный руководитель:

Нестерова Татьяна
Вячеславовна,
канд. филол. наук., доцент

Москва

2021

Оглавление	
Введение.....	4
Глава I. Агрессия в повседневной коммуникации. История вопроса	8
1.1. Агрессия и речевая агрессия. Определения понятий.....	8
1.2. Агрессивные речевые акты.....	17
1.3. Дефиниции лексем «угроза», «угрожать» в лексикографических источниках	22
1.4. Теория речевых актов.....	25
1.4.1. Прямые и косвенные речевые акты. Иллокутивное самоубийство	25
1.4.2. Речевые акты угрозы	29
1.4.3. Повседневная коммуникация. Речевые акты угрозы в повседневной коммуникации.....	37
1.4.4. Транспонированное употребление речевых актов угрозы в повседневной коммуникации.....	45
1.4.5. Речевые реализации интенции угрозы в поликодовой коммуникации	48
Выводы по первой главе.....	52
Глава II. Речевые акты угрозы в повседневной коммуникации.....	54
2.1. Угрозы-наказания	54
2.2. Угрозы-предупреждения	58
2.3. Угрозы-понуждения.....	62
2.4. Речевые реализации интенции угрозы в поликодовой коммуникации	67
2.4.1. Речевые акты угрозы в поликодовых текстах с взаимозависимой корреляцией вербальной и визуальной составляющих.....	67

2.4.2. Речевые акты угрозы в поликодовых текстах с доминированием невербальной составляющей.....	68
2.4.3. Речевые акты угрозы в поликодовых текстах с доминированием вербальной составляющей	69
2.4.4. Речевые акты угрозы в поликодовых текстах с взаимодополняющей корреляцией вербальной и визуальной составляющих	71
2.4.5. Транспонированные речевые акты угрозы в поликодовых текстах с оппозиционной корреляцией вербальной и визуальной составляющих	72
2.5. Комбинаторика речевых реализаций интенции угрозы в повседневной коммуникации.....	73
Выводы по второй главе.....	79
Заключение	82
Библиография	90
Приложения	97

Введение

Данная работа посвящена исследованию речевых актов угрозы в повседневной коммуникации. Угроза активно изучается в конфликтологии, юриспруденции, социологии, лингвистике и др.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на большое количество научных работ, посвящённых интенции угрозы, реализация угроз в повседневной коммуникации практически не исследуется.

Проблемами речевой угрозы занимались такие ученые, как Ю.В. Щербинина, Д.О. Жучков, Н.В. Хохлова, О.В. Эпштейн, Т.И. Стексова, Р.М. Байрамуков, А.А. Кузнецова, Е.В. Маслакова, О.В. Новоселова, А.М. Плотникова, Т.Г. Рабенко, Н.Н. Нестерова и др.

Объектом исследования является повседневная коммуникация.

Предмет исследования – речевые акты угрозы в повседневной коммуникации.

Основная цель работы заключается в описании семантики и прагматики речевых актов угрозы в повседневной коммуникации (в том числе поликодовой).

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Изучить литературу по теме исследования;
2. Дать дефиниции понятий «агрессия», «речевая агрессия», «угроза», «угрожать», «прямой речевой акт», «косвенный речевой акт», «конвенциональный косвенный речевой акт», «контекстуально-ситуативный косвенный речевой акт», «речевой акт угрозы», «повседневная коммуникация», «поликодовая коммуникация», «поликодовый текст»;
3. Рассмотреть существующие классификации речевых актов угрозы;
4. Создать свою классификацию речевых актов угрозы применительно к повседневной коммуникации;

5. Проанализировать семантику и прагматику речевых актов угрозы в повседневной коммуникации (в том числе поликодовой).

В работе применены следующие **методы**: методы логико-лингвистического анализа научной литературы, методы и приемы непосредственного наблюдения и аналитического описания языковых и речевых фактов, методы лингвистического анализа, метод дефиниционного анализа, метод контекстно-ситуативного (дискурсивного) анализа, прагматические методы анализа, статистический метод, классификационный метод.

Материалом для анализа особенностей функционирования вербальной угрозы в повседневной коммуникации послужили диалоги из русских телесериалов «Трудные подростки», «Сваты», «Ивановы-Ивановы», «Кухня», «Молодёжка», фильмов «Я худею», «Большая перемена», «Бриллиантовая рука», «Ирония судьбы, или с лёгким паром», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Покровские ворота», «Иван Васильевич меняет профессию», романов Д. Донцовой («Главбух и полцарства в придачу», «Бассейн с крокодилами»), романа П. Санаева «Похороните меня за плинтусом», А. Иванова «Географ глобус пропил», диалоги из социальных сетей, записи устной речи и изображения (мемы, демотиваторы и др.), содержащие речевые акты угрозы.

Научная новизна работы состоит в подробном анализе семантики и прагматики речевых актов угрозы в повседневной коммуникации (в том числе поликодовой).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в дальнейшее изучение этой проблемы.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в юрислингвистике и различных курсах по речевому общению, межкультурной коммуникации, культуре речи и речевому этикету.

Цели и задачи работы определили **структуру исследования**, состоящего из введения, двух глав, заключения, библиографии, приложений.

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект, предмет, цели, задачи исследования, перечисляются методы, использованные при анализе материала, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описывается материал исследования.

В первой главе «Агрессия в повседневной коммуникации. История вопроса» анализируется литература по теме исследования; дефинируются понятия «агрессия», «речевая агрессия», «угроза», «угрожать», «прямой речевой акт», «косвенный речевой акт», «конвенциональный косвенный речевой акт», «контекстуально-ситуативный косвенный речевой акт», «речевой акт угрозы», «повседневная коммуникация», «поликодовая коммуникация», «поликодовый текст»; рассматриваются существующие классификации речевых актов угрозы.

Во второй главе «Речевые реализации интенции угрозы в повседневной коммуникации» проводится анализ речевых актов угрозы в повседневной коммуникации (в том числе поликодовой).

В Заключении обобщенно излагаются результаты исследования и обозначаются перспективы изучения данной темы.

В Приложения вынесены примеры, необходимые для данной работы.

По материалам исследования был **подготовлен доклад** «Агрессия в обиходной коммуникации. История вопроса» для конференции «Цивилизация знаний: российские реалии», а также опубликованы **научные статьи**:

1. Габдрахманова Е.В. Речевые акты угрозы в обиходной коммуникации.

Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (28–30 мая 2020 г.). / Составители Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. В 2 ч. Калининград: Издательство «РА Полиграфычъ», 2020. С. 689-694.

2. Габдрахманова Е.В. Речевые акты угрозы в обиходной коммуникации. Язык и культура: взгляд молодых. Материалы III Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур (Москва, 26–28 мая 2020 г.) / гл. ред. М. Н. Русецкая. [Электронное издание]. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 80-85.
3. Габдрахманова Е.В. (в соавторстве с Т.В. Нестеровой). «Вербальные и невербальные реализации интенции угрозы в поликодовых текстах»// Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII КириллоМефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Костомаровского форума (Москва, 26 мая 2021 года)) / гл. ред. М.Н. Русецкая [Электронное издание]. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 369-380.

Подготовлена **научная статья**:

1. Габдрахманова Е.В. «Речевые акты угрозы в поликодовой коммуникации», принятая к публикации в сборнике статей по итогам IX Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире».

Глава I. Агрессия в повседневной коммуникации. История вопроса

1.1. Агрессия и речевая агрессия. Определения понятий.

Многие психологи, социологи, лингвисты отмечают, что в современных реалиях агрессия проникает во все сферы жизни, от политики до Интернет-коммуникации.

В толковом словаре С. И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся два значения понятия агрессия: «1. Незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства. 2. (перен). Открытая неприязнь, вызывающая враждебность» [Ожегов, Шведова, 2006, с.18]. Хотя в данном определении основным является значение с точки зрения геополитики, все-таки в понимание этого термина включаются социально-психологический и философский аспекты, связанные с антисоциальным поведением индивида, но во втором, переносном значении.

В Новейшем философском словаре, с другой стороны, в качестве основного приводится именно значение, связанное с антисоциальным поведением, без упоминания о геополитике: «Агрессия (лат. *aggredio* - нападать) - в настоящее время это понятие используется для обозначения самых разнообразных видов и форм поведения - от реплик и элементов пародий до применения различных мер физического воздействия, включая и такие из них, которые заканчиваются индивидуальным или массовым летальным исходом» [URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/АГРЕССИЯ>].

Наиболее подробное и разностороннее описание понятие «агрессия» получило в психологии.

Р. Бэрн и Д. Ричардсон дают определение агрессии с точки зрения оценки намерений адресанта, то есть взглядом адресата и последствий для него: «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленная на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрн, Ричардсон, 2001, с.27].

Психолог 20-ого века А. Басс определяет агрессию как «явление, реализованное в специфическом поведении, в конкретном действии — угроза, либо нанесение ущерба другим» [Банщикова, 2013, с.72]. Можно заметить, что в своем определении А. Басс акцентирует внимание на цели агрессии – нанесении ущерба. Кроме того, он отмечает, что агрессия обязательно имеет намерение, о котором, как правило, не догадываются посторонние люди.

А. Басс считает, что агрессию можно описать с помощью трех шкал: физическая – вербальная; прямая – непрямая; активная – пассивная.

С помощью этих шкал он выделяет 8 типов агрессивного поведения:

	Физическая	Вербальная
Прямая-активная	Непосредственное, сделанное руками агрессора действие (ударить, задушить)	Оскорбление, унижение
Прямая-пассивная	Агрессор препятствует другому человеку в достижении целей, задач и т.д.	Отказ от разговора, игнорирование
Непрямая-активная	Опосредованное действие (наём убийцы, сооружение ловушек)	Распространение ложных сведений, клеветы
Непрямая-пассивная	Агрессор отказывается от выполнения каких-либо действий	Отказ от объяснений

Психоэмоциональный аспект возникновения и протекания агрессии рассматривается в эмоциональном подходе (Е.В. Трифонов, Ю.В. Щербинина) поэтому существует такая дефиниция агрессии, данная Е.В. Трифоновым: «Агрессия - проявление в чувствах и действиях индивида (социальной группы)

враждебности — антагонизма, недружелюбия, неприязненного отношения, ненависти...» [Банщикова, 2013, с.72].

Итак, общепринятым признаком агрессии являются её вредоносные для адресата последствия. Однако мнения ученых расходятся относительно других признаков агрессии:

1. Объект: в эту категорию могут включаться любые объекты живой и неживой природы, только живые существа, только лица;
2. Ущерб: если мы принимаем в качестве объекта только живое существо, то ущерб может быть физическим, моральным, материальным и т.д., а относительно неживой природы только разрушение;
3. Формы актов: действие, бездействие или обе формы;
4. Целенаправленность или не целенаправленность;
5. Возможность существования запланированной агрессии.

Как было отмечено выше, А. Басс выделяет вербальную агрессию как один из возможных способов проявления агрессии. Он даёт такое определение понятию «вербальная агрессия»: «Вербальная агрессия – это выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных актов (угроза, проклятие, ругань)» [Попова, 2015, с.209].

В российской лингвистике определение термину речевая агрессия даёт Ю.В. Щербинина: «Речевая (вербальная) агрессия – обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина, 2004, с.3]. Автор отмечает разноплановость побуждений, вызывающих агрессию.

Так, Ю.В. Щербинина пишет, что агрессия может быть ответной реакцией на раздражитель. Такая агрессия служит выражением отрицательных эмоций, полученных в течение какого-то периода.

Также выделяется целенаправленная, намеренная агрессии, выражающая желание агрессора нанести адресату урон (оскорбить, унижить, высмеять и т.д.) или желание добиться каких-то своих целей.

Ю.В. Щербинина отмечает, что речевая агрессия может выражаться в агрессивном речевом поведении и в агрессивной речевой деятельности.

Агрессивное речевое поведение – активность, которая практически не осознается или вообще не осознается агрессором и строится по стереотипным шаблонам, усвоенным либо через подражание, либо через собственный опыт.

Агрессивная речевая деятельность, наоборот, полностью осознается агрессором, имеет цель, намерение, иногда план.

Далее автор выделяет ряд условий проявления вербальной агрессии:

1. Адресант имеет отрицательную интенцию (унизить, оскорбить, выразить негатив);
2. Агрессивный речевой акт не соответствует характеру общения или «образу адресата»;
3. Отрицательная реакция адресата, возможны отражающие реплики.

Также Ю.В. Щербинина предлагает классификацию видов вербальной агрессии относительно разных признаков [Щербинина, 2014, с.205-213]:

Интенсивность	К слабой агрессии относятся не очень грубый отказ, косвенный упрёк и не прямое оскорбление (« <i>Это ты о себе сказал</i> »)
	К сильной агрессии относятся «особо обидные оскорбления, крайне резкие порицания, предельно грубые требования и отсылы» [Щербинина, 2014, с.205], а также насмешки и угрозы (<i>см. приложение 1, пример №1</i>)
Целенаправленность (автор не приводит примеров)	Целенаправленная
	Нецеленаправленная
Способ выражения	Прямая. Прямая агрессия выражается в трех разновидностях: 1. «Агрессия и в форме, и в содержании высказывания» [Там же, с.207]

		(«Ты-дурак-идиот-ты-мне-надоел-пошел-вон-отсюда!!!»); 2. «Агрессия только в форме высказывания» [Там же, с.207] (см. приложение 1, пример №2); 3. «Агрессия только в содержании высказывания» [Там же, с.208] (автор не приводит примеров). Косвенная. «Какое нарядное платье! Жаль только размер не твой...» [Там же, с.208]
Отношение к объекту	к	Переходная. «Переходная агрессия направлена на реального, конкретного и присутствующего человека» [Щербинина, 2014] (автор не приводит примеров)
		Непереходная. «Непереходная агрессия проявляется, когда абстрактно ругают “жизнь вообще”, “судьбу злодейку”, “стечение обстоятельств”, выражая общую негативную позицию по отношению к миру, к обществу, к окружающим людям» [Там же, с.209-210] (см. приложение 1, пример №3)
Число участников		Межличностная (автор не дает примеров)
		Групповая (см. приложение 1, пример №4)
		Массовая (автор не дает примеров)

Более дробную классификацию видов вербальной агрессии, состоящую из бинарных оппозиций, дает К.Ф. Седов [Седов, 2003, с.3-7]:

1. Прямая («Ты просто свинья/ скотина безмозглая!»)/ косвенная

(«Разговор мужа с женой.

Ж – Что-то устала я!

М – Еще бы/ ты у нас труженица// Мыслимо ли дело/ всех подружек обижать/ всех по телефону обсудить!»);

2. Инструментальная (агрессия с какой-либо целью «Ситуация в кафе. Посетители, молодые люди, не уходят, несмотря на время закрытия кафе. Официантка: – Вы уйдете/ наконец/ или мне милицию вызвать!»)/ неинструментальная (агрессия ради агрессии «Пошел ты к чертовой матери! Идиот!»);
3. Инициативная («Преподаватель на лекции: – Долго вы будете мне мешать/ своей болтовней!»)/ реактивная («Муж жене, разговаривающей по телефону.
– Ну/ сколько можно чепухой заниматься!?
– Сам ты идиот!»);
4. Активная (автор не дает примеров)/ пассивная («– Ты можешь нормально объяснить!?
– Слушай/ я ничего объяснять не собираюсь// И вообще оставь меня в покое!»);
5. Непосредственная/ опосредованная (например, через третье лицо, с помощью клеветы и т.д.) (автор не дает примеров);
6. Спонтанная («Жена мужу, разбившему чашку: – Что ты наделал/ придурок!»)/ подготовленная («Разговор двух научных сотрудников А и Б (Пресуппозиция: один из них (А) издает серийные сборники статей, в один из которых был приглашен Б, но статью вовремя не сдал). А – Что-то я давненько не видел Ваших публикаций// По-моему Б умер как ученый»);
7. Эмоциональная («– Ты мудака! Иди ты/ к чертовой матери!»)/ рациональная (агрессор учитывает особенности личности и коммуникативной ситуации; «В кафе. К столику, за которым сидят прилично одетые молодые люди, пытается подсесть посетитель “бомжеватого” вида. – Мужик/ отсядь// Вон столик свободный// Ты не понял// Иди отсюда на х..!»);

8. Сильная («Разговор подростков. – Заткнись урод! Шас жбан расколю!»)/ слабая (автор не дает примеров): измеряется по изменению эмоционального состояния адресата;
9. Враждебная (автор не дает примеров)/ невраждебная (колкости, которыми обмениваются друзья с целью посмеяться, а не обидеть «Разговор в бане. В предбаннике общаются несколько тридцатилетних мужчин. Заходит опоздавший член компании.
– Привет/ охломоны!
– Салют/ долб...б!»).

Т.А. Воронцова пишет, что сознательная вербальная агрессия (то, что у Ю.В. Щербининой называется «агрессивная речевая деятельность») имеет базой двойную целеустановку:

1. Выражение негативного отношения к референту или адресату («аффективный вектор речевой агрессии»);
2. «установка на субъектно-объектный тип общения», которая проявляется в дисгармоничном речевом поведении («прагматический вектор»).

Добавляя такой термин как «коммуникативное пространство» (зона реальных и возможных контактов, которую каждый участник коммуникации видит по-своему), она приводит такую версию определения речевой агрессии: «Речевая агрессия в этом плане может рассматриваться как преднамеренная деформация адресантом коммуникативного пространства адресата» [Воронцова, 2006, с.84]. В этой связи автор выделяет три коммуникативно-прагматических типа речевой агрессии (автор не дает примеров):

1. «Речевая агрессия в межличностной (интерперсональной) коммуникации может быть представлена как вторжение в речевое пространство адресата» [Там же, с.84]. В данном случае субъект – адресант; объект – адресат (активный участник коммуникации); цель – навязывание коммуникативного сценария, необходимого адресанту, захват коммуникативной инициативы;

2. «Речевая агрессия может проявляться как агрессивное навязывание адресату негативного отношения к референту высказывания» [Там же, с.85]. Объект – лицо или группа лиц, непредставленных непосредственно в коммуникации;
3. «Речевая агрессия может представлять собой вторжение в когнитивное пространство. Суть ее заключается в том, что адресант стремится изменить представления адресата о предмете речи в негативную сторону и, как следствие, его место в картине мира адресата» [Там же, с.85]. Объект – некое размытое понятие.

Е.Н. Басовская даёт узкое и широкое понимание речевой агрессии:

- В узком смысле речевая агрессия – «речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие» [Басовская, 2004, с.257], в таком случае можно говорить, что эксплицитная, открытая форма таких речевых актов должна включать в себя глагол-перформатив;
- В широком смысле – «любое доминирующее речевое поведение» [Там же, с.257].

А.В. Курьянович приводит примеры «конфликтогенов», то есть «раздражителей», провоцирующих агрессивные речевые ситуации: «агрессия, насилие, дискредитация, подчинение, принуждение, разоблачение, манипуляция, самоутверждение за счет партнера по общению и пр.» [Курьянович, 2005, с.108]. Речевые жанры, становящиеся наиболее значимыми в ситуациях речевого конфликта, автор называет «конфликтогенными» и относит к ним «РЖ угрозы, запугивания, упрека, обвинения, обиды, издевки, насмешки, колкости, иронии, провокации, словесного «наезда», навешивания ярлыков, нападки, разоблачения, стеба, претензии, оскорбления (инвективы) и пр.» [Там же, с.108]. Все эти жанры объединяются общим мотивом, заключающимся в нанесении морального вреда адресату.

Вербальная агрессия может выражаться различными речевыми актами, которые прежде всего реализуются в ситуациях речевого конфликта. Речевой конфликт подразумевает противонаправленную интеракцию, в которой коммуниканты совершают речевые действия, направленные друг против друга. Данные речевые действия «могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т. п.» [Третьякова, 2013, с.281]. Прежде чем непосредственно рассмотреть агрессивные РА, приведём несколько определений речевой агрессии.

В пособии М.Я. Дымарского по речевой конфликтологии ситуации вербальной агрессии делятся на собственно речевые и речеповеденческие.

Первый тип основывается на соотношении язык-речь. Такой тип конфликта может возникать, например, из-за отсутствия в языке необходимых для нормального общения номинаций. Например:

« Ж.: Почем морковка?

С. Десять рублей// Берите матушка/ только из погреба//

Ж. (в сердцах). Какая я те матушка?

С. А чё?.. (нерешительно) Мадам или как?

Ж. Всё настроение испортят // (уходит)» [Дымарский, 2008, с.18].

Данный конфликт вызван отсутствием в русском языке обращений, которые в прошлом выражались словами сударыня или гражданка.

С другой стороны, речеповеденческие конфликты «могут быть обусловлены намеренным или случайным выбором мимических, жестовых, движенческих формул-раздражителей со стороны участника коммуникации», например: *«Она даже головы в мою сторону не повернула; она и не посмотрела на меня; ...и смотреть не хочет; а она повернулась и ушла»* [Там же, с.22-23]. Речеповеденческие конфликты сопровождаются сменами ситуативных ролей на психологические (пассажир, клиент, пациент трансформируются в оскорбленного, обиженного, страдающего от нанесенного морального ущерба).

Таким образом, можно сделать общий вывод из всех приведенных выше концепций и определений агрессии и речевой агрессии. Агрессия - деструктивное поведение, направленное на причинение вреда объекту. Тем не менее ученые по-разному подходят к определению источников агрессии. Учитывая все приведенные выше признаки речевой агрессии, можно описать ее так: вербальная агрессия – такая агрессия, которая выражена с помощью словесных форм, направлена на дисгармоничное общение и может быть намеренной или ненамеренной; некоторые ученые также акцентируют внимание на субъектно-объектном типе отношений, характерном для речевой агрессии.

1.2. Агрессивные речевые акты

Ю.В. Щербинина называет и описывает речевые акты, с помощью которых может выражаться вербальная агрессия: оскорбление, враждебное замечание, угроза, грубое требование, грубый отказ, возражение (протест), порицание (обвинение, упрёк), нотация, насмешка, жалоба (донос, литания), клевета, сплетня.

Рассмотрим каждый приведенный тип речевых актов подробнее.

1. Оскорбление

Самый распространённый агрессивный речевой акт, который чаще всего выражает прямую и сильную агрессию. «Оскорбление – любое слово или выражение, содержащее обидную характеристику адресата» [Щербинина, 2013, с.219]. Формула оскорбления достаточно проста «Ты – Х», но местоимение часто опускается. «Коммуникативная цель оскорбления – выразить неприязненное отношение к адресату, вызвать у него ощущение сильного эмоционального дискомфорта и утвердить динамичную позицию агрессора» [Там же, с.220].

2. Враждебное замечание

«Враждебное замечание – словесная реакция отторжения, неприятия, нетерпимости; отрицательное суждение об адресате, выражение негативного отношения к его поступкам, качествам, личности в целом» [Там же, с.223]. От

оскорбления отличается большей развёрнутостью *дурак, коротышка* (оскорбления)/ *Сообразать надо!*; *Ты мне до пупка достаешь* (враждебные замечания). Враждебное замечание может переходить в злопожелание (*Хоть бы ты сдох! На, подавись!*) и проклятие (*Будь ты проклят!*; *Проклинаю тебя!*) [Там же, с.223-224].

3. Угроза

Угроза – высказывание, содержащее «сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-л. действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-л. действие» [Стексова, 2014, с.702]. Ю.В. Щербинина отмечает, что «угрожать» относится к группе «иллокутивных самоубийств», поэтому угрозы выражаются опосредованно (*Это не угроза, а совет; Моё дело – предупредить* и др.). Кроме того, автором выделяются приемы построения скрытых угроз:

- Умолчание («*Считаю до трёх: раз, два...*»);
- Особая интонация («*Делаю тебе посл-е-еднее замечание...*»);
- Риторический вопрос («*Что непонятно?*»);
- Враждебный намёк («*Скоро мне надоест тебя слушать...*»);
- Иносказание (аллегория) («*Могу помять твой дорогой костюм...*»)

[Щербинина, 2013, с.226].

Отдельное внимание необходимо уделить шантажу. Шантаж – «угроза разоблачения, разглашения компрометирующей сведений» [Там же, с.227], как правило, с целью вымогательства.

4. Грубое требование и грубый отказ

«Требование – это просьба или распоряжение, выраженные в решительной, категорической форме» [Там же, с.227]. Требование само по себе не агрессивный акт, поэтому Ю.В. Щербинина выделяет несколько факторов, превращающих требование в агрессивный речевой акт:

- «Грубая форма требования – отсутствие вежливости, безапелляционность, резкая категоричность (*Быстро освободил моё место!; Давай ешь суп! Живо!; Ноги в руки и пошел!*);
- Грубая интонация (например, резкий повелительный окрик);
- Отсутствие у говорящего полномочий для данного требования;
- Несоответствующие содержанию требования возраст и статус говорящего» [Там же, с.228].

Грубое требование превращается в отсыл при проявлении особо сильной агрессии («*Отвяжись от меня!*»; «*Пошел вон!*»; «*Иди нафиг!*») [Там же, с.228-229].

«Отказ – отрицательный ответ на просьбу» [Там же, с.229]. Отказ становится агрессивным речевым актом при следующих условиях:

- «Отсутствие формы вежливости («извините»; «пожалуйста»);
- Появляется грубая, резкая, уничижительная интонация;
- Не объясняется причина отказа» [Там же, с.229].

К основным формам отказа относятся:

- «ответный враждебный вопрос (- *Дай, пожалуйста, молоко. – Какое ещё молоко? Где ты тут молоко увидел?*);
- Грубое требование в значении возражения (- *Съешь яблоко. – А я хочу грушу!*);
- Ответная насмешка, издевка (*А задница не слипнется?*)» [Там же, с.229].

5. Возражение (протест)

«Возражение – выражение несогласие; протест – решительное несогласие» [Там же, с.230]. К основным формам выражения несогласия относят:

- «Совет (*Лучше бы поступить так-то и так-то...*);
- Альтернативное мнение (*А я по этому поводу думаю то-то...*);
- Оценочная характеристика собеседника (*Вряд ли ты прав!*);

- Встречное предположение (*Со своей стороны могу сказать то-то...*)» [Там же, с.230].

6. Порицание (обвинение, упрёк)

«Порицание можно определить как выражение неодобрения, осуждения» [Там же, с.231]. «Обвинение – высказывание, направленное непосредственно на адресата, совершившего порицаемое действие» [Там же, с.231]. Обвинение – речевое действие, основанное на претензии к адресату – следует за осуждением – мыслительным действием, основанном на нелицеприятном мнении. Приведем несколько примеров обвинения: *«И Саша считает, что ты виноват!»*; *«Я просто в бешенстве!»*; *«Тебя что, не учили хорошим манерам?»* [Там же, с.233].

Разновидность обвинения – упрёк, основное отличие которого от обвинения заключается в более слабой степени воздействия на адресата и в том, что в качестве агрессора выступает, как правило, взрослый человек, к сожалению, автор не приводит примеры речевых актов упрёка (см. приложение 1, пример №5).

7. Нотация

«Нотация – долгое наставление, назидательный выговор» [Там же, с.236], чаще всего возникает в диалогах разных поколений, например: *«Привыкли, что я помогу, сделаю, улажу. Денег займу, а «спасибо» сказать – можно и не надо... Что, думаете, мне все так легко? Заведенный я, что ли, туда-сюда бегать, возить всех, улыбаться, мирить, заботиться?.. Сколько я с тобой, Андрюша, нянчился, попку намывал, пока твоя мама по свиданкам бегала...»* [Там же, с.237].

8. Насмешка

Насмешка – «злая шутка, зубоскальство, колкость, шпилька, издевка» [Там же, с.238]. Также выделяется в отдельную группу колкость – «выражение псевдоодобрения, мнимой радости, притворной благожелательности (*Какой ты умный!*)» [Там же, с.238]. Кроме того, разновидностями насмешки являются: глумление – «злое и оскорбительное издевательство,

вышучивание» [Там же, с.239] (см. приложение 1, пример №6); шутовство, которое становится агрессивным, когда адресант хочет «лишить эмоционального равновесия, досадить, спровоцировать на обратный выпад» адресата [Там же, с.240] (см. приложение 1, пример №7); обидный розыгрыш, который рассчитан на долгий дискомфорт адресата (см. приложение 1, пример №8).

9. Жалоба (донос, литания)

Жалоба – «сообщение одного человека о проступке другого человека третьим лицам» [Там же, с.242]. Данный речевой акт становится агрессивным, если адресант закладывает в свою жалобу желание наказать человека, который причинил дискомфорт («*Пусть он больше не обзывается!*») [Там же, с.243]).

Донос – агрессивная разновидность жалобы, «тайное обвинительное сообщение о чьей-то неблаговидной деятельности, негативных высказываниях, проступках» [Там же, с.244]. Донос часто не имеет под собой реальных оснований, так как его основная цель – «не наказать человека, а прежде всего дискредитировать» [Там же, с.244] (примеров Ю.В. Щербинина не приводит).

Литания – «речевой период, в котором говорящий излагает свои жалобы, обиды, тревоги по поводу разного рода неприятностей, трудностей, несчастий, болезней, утрат, а в конце произносит какую-нибудь обобщенно-фаталистическую фразу или горестный риторический вопрос (например, “Ну почему всё так плохо?”)» [Там же, с.245]. Агрессивность этого речевого акта заключается в усилении психологического напряжения, которое создает конфликтную обстановку. Кроме того, в литании часто содержится обвинение других в своих бедах (см. приложение 1, пример №9)

10.Клевета

Клевета – «сочинение и распространение ложных обвинений, заведомо ложного слуха, позорящего противника» [Там же, с.247]. В качестве примера можно Ю.В. Щербинина приводит рассказ А.П. Чехова «Клевета».

11.Сплетня

Сплетня – «слух о ком-то или о чем-то, основанный на неточных, заведомо неверных или нарочито измышленных данных» [Там же, с.249]. Сплетня становится более агрессивной за счет активного распространения и ссылкой на чужое мнение и авторитеты. Сплетня может содержать правдивую информацию, в отличие от клеветы. Помимо этого, сплетня распространяется «за спиной», а клевета может быть публичной («Некоторые считают, будто...» [Там же, с.249]).

Итак, рассмотрев вслед за Ю.В. Щербининой агрессивные речевые акты, мы можем заметить, что в речи существует достаточно обширный арсенал средств выражения речевой агрессии.

1.3. Дефиниции лексем «угроза», «угрожать» в лексикографических источниках

Дефиниции лексем «угроза» и «угрожать» варьируются в зависимости от типа словаря. Рассмотрим некоторые определения данных лексем, начиная с общих лексикографических источников и переходя к специальным.

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается такое трактование угрозы: «1. Запугивание, обещание причинить кому-н. вред, зло. Действовать ~ми. Не бояться угроз. 2. Возможная опасность. У. войны» [Ожегов, Шведова, 2006, с.825]. Здесь угроза рассматривается с точки зрения оценки намерений агрессора. Определение широкое, не даёт никаких четких ориентиров, признаков, средств выражения и т.д.

В свою очередь Д.В. Дмитриев в своем толковом словаре уточняет, что угроза – это «выраженное словами обещание причинить какое-либо зло, неприятность другим людям» [Дмитриев, 2003, с. 1413].

В двух приведенных выше определениях общим остается один компонент значения: обещание причинить вред.

Далее стоит обратить внимание на определения угрозы из специальных источников.

В «Энциклопедии социологии. 2009» представлено такое понимание угрозы: «Угроза - англ. threat/menace; нем. Gefahr. Выраженное словесно,

письменно, с помощью жестов или мимики, путем запугивания оружием и т.п. намерение нанести определенный вред интересам общества или отдельного лица» [URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4325/УГРОЗА>]. В данном определении важным является перечень способов выражения угрозы, который, конечно, представляет только основные из них.

Т.И. Стексова в статье для словаря-справочника «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» достаточно подробно раскрывает термин и выделяет два значения угрозы: угроза как речевой жанр и угроза как шантаж. При этом она отмечает, что угроза в первом значении – это императивный жанр, то есть цель угрозы – заставить адресата что-либо сделать, она всегда перспективна, направлена в будущее. Т. И. Стексова также отмечает важность того факта, что угроза относится к разряду перформативных явлений, поэтому обещание негативных последствий выражается не через конструкцию «я угрожаю тебе», а с помощью других жанров, например, «я предупреждаю, советую, обещаю» и т.д. При использовании некоторых жанров, например, сообщения, чтобы угроза была правильно интерпретирована, необходимо быть уверенным в общности пресуппозиция [Стексова, 2014].

Говоря о шантаже, Т.И. Стексова обращает внимание на различия между адресатом и адресантом. При обещании негативных последствий (угроза в первом значении) адресант либо реально находится в более высоком положении (статусном, возрастном и т.д.), либо чувствует своё превосходство над собеседником; адресат же всегда находится в зависимом положении. В случае же шантажа адресант угрозы может находиться в более низком положении (быть младше по возрасту, быть подчиненным и т.д.), но обстоятельства складываются в пользу угрожающего [Там же].

В «Толковом словаре по психологии» угроза имеет три значения: «1. Наиболее общее значение – любое действие, жест или реакция, которые отражают намерение напасть, причинить вред или запугать другого. Это значение встречается в различных контекстах; у более низких животных она обычно проявляется в явных и относительно стереотипных действиях, у людей

она также может быть прямой, но чаще имеет сложные вербальные и символические формы, определяемые нашей культурой. 2. Символ или знак, который предвещает неприятность. 3. Идея или образ (и сопровождающие эмоциональные переживания) относительно ожидаемых событий» [URL: <https://www.psyoffice.ru/6-487-ugroza.htm>]. В данном определении нам кажется важным замечание, что, как правило, угроза выражается косвенно, часто с использованием и вербальных, и невербальных средств.

Интересным является определение из Энциклопедии права: «Угроза (лат. metus; англ. threat) - один из видов психического насилия над личностью; выражение устно, письменно, действиями либо др. способом намерения нанести физический, материальный или иной вред лицу или его правам и интересам, охраняемым законом» [URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/5922/Угроза], отмечается, что угроза может быть уголовно наказуема. В данной дефиниции особое внимание хочется обратить на мишени воздействия.

Итак, угроза – обещание причинить вред, которое может выражаться разными способами (словами, жестами и т.д.) и иметь разные мишени воздействия.

Для определения лексемы «угрожать» С. И. Ожегов использует статью-ссылку на лексему «грозить» в 2-4 значениях: «2. кому чем или с неопр. Предупреждать с угрозой о чем-н. Г. разрывом. Г. пожаловаться отцу. 3. (1 и 2 л. не употр.), чем. Предвещать (что-н. плохое, опасное, неприятное). Скала грозит обвалом. 4. (1 и 2 л. не употр.), кому. О чем-н. плохом: предстоять. Грозит смерть. II сов. погрозить, -ожу, -озишь (к 1 знач.) и пригрозить, -ожу, -озишь (ко 2знач.)» [Ожегов, Шведова, 2006, с.146]. Нас будет интересовать первое значение. Исходя из определения угрозы из этого же словаря, можно сказать, что «угрожать» по С.И. Ожегову – это предупреждать с запугиванием.

Д.В. Дмитриев также даёт три возможных значения лексемы «угрожать»: «1. Когда кто-то угрожает другим людям чем-либо, значит, он сообщает, что сделает им что-то плохое, если они не выполнят то, что он

требует, добивается и т. п. 2. Когда кому-либо угрожает какое-то неприятное явление, событие или объект, значит, оно может быть очень неблагоприятным для вашего материального состояния, социального статуса или опасным для вашего здоровья, вашей жизни. 3. Когда какой-либо объект угрожает, например, упасть, значит, он скоро упадёт» [Дмитриев, 2003, с.1413]. В своем определении лексемы «угрожать» Д.В. Дмитриев указывает на то, что угрожают обычно для получения какой-то выгоды от адресата.

В словаре «Культура речевого общения: Этика. Прагматика. Психология» дается тоже статья-ссылка на «грозить», включающая в себя возможные последствия угрозы для агрессора: «грозить – запугивать чем-либо из корыстных или других прагматических побуждений. Лучше воздерживаться от угроз, тем более от грубых. При угрозе человек необязательно пугается, он может разгневаться и «полезть в бутылку». В более позднее время, опомнившись, все продумав, взвесив, начнет принимать меры против грозящего, в том числе неадекватные» [URL: <https://culture.wikireading.ru/31972>]. Здесь также отмечается, что угроза всегда используется для достижения каких-либо целей. Это одно из немногих определений, которое кроме последствий для адресата, предполагает и его возможную реакцию.

Таким образом, угрожать – запугивать из корыстных или других прагматических побуждений, сообщая о негативных последствиях для адресата, которые наступят, если он совершит или не совершит какое-либо действие.

1.4. Теория речевых актов

1.4.1. Прямые и косвенные речевые акты. Иллокутивное самоубийство

Человеческая коммуникация – сложное и разнородное явление. Исследователи выделяют два типа коммуникации: прямая коммуникация и непрямая коммуникация.

По В.В. Дементьеву «прямая коммуникация имеет место тогда, когда в содержательной структуре высказывания смысл = значению, то есть план содержания высказывания, выражаемый значениями компонентов высказывания (слов, граммем и т.п.), зафиксированных в словаре, совпадает с итоговым коммуникативным смыслом» [Дементьев, 2001, с.3]. В качестве примера автор дает такое вопросно-ответное единство: «*В какое море впадает Волга? – Волга впадает в Каспийское море*» [Там же, с.3]. Для понимания данных реплик достаточно знать словарные значения всех используемых лексем.

В.В. Дементьев также даёт определение непрямой коммуникации: «Непрямой коммуникацией мы предлагаем называть содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию (идентификации) знака» [Дементьев, 2000, с.6]. В качестве примера автор приводит высказывание «*Не могли бы вы открыть окно?*» [Там же, с.5]. Используя данное высказывание, адресант не спрашивает о возможностях адресата, но реализует интенцию просьбы.

Как отмечает В.В. Дементьев, оппозиция прямой и косвенной коммуникации рассматривается во многих направлениях. Так, в психолингвистике данная оппозиция изучалась Л.С. Выготским, Н.И. Жинкиным, И.Н. Гореловым и др., и сводилась «к противоречию, существующему между двумя качествами (состояниями) смысла — исходным психологическим мотивом говорящего и смыслом, заключенным в высказывании, которое представляет собой результат перекодирования личностного смысла из универсально-предметного кода в вербальное сообщение» [Дементьев, 2001, с.12].

В прагмалингвистике выделяются два понимания оппозиции прямых и косвенных речевых актов. Первое раскрывает данное противопоставление как «проявление асимметрии языка и ставятся в один ряд с полисемией и

синонимией» [Там же, с.12]. Сторонниками этого подхода являются Дж. Серль, В.Г. Гак, В. Зёкланд, Дж. Катц, Р. Конрад, А.Г. Поспелова.

Второе понимание оппозиции прямой и косвенной коммуникации заключается в выделении разных типов информации, которую передает высказывание: «информации, равной его логическому содержанию, выводимому из значения его компонентов, и прагматической информации — разного типа имплицатур как конвенционального характера (прагматические пресуппозиции), так и неконвенционального характера (имплицатуры общения)» [Там же, с.12]. С данной точки зрения оппозицию рассматривают Г.П. Грайс, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, В.И. Карасик, Л.А. Киселева, Е.В. Падучева, Ч. Филлмор.

Речевой акт (далее РА) – «высказывание, порожаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определённым мотивом для совершения практических или ментальных, как правило, адресованных действий с помощью такого инструмента, как язык, речь» [Формановская, 2002, с.111].

РА всегда содержит интенцию, то есть намерение или замысел. Интенция может быть выражена прямо или косвенно, тогда мы имеем дело с прямыми и косвенными РА. Прямой РА – такой РА, понимание которого не требует дополнительных мыслительных операций, план выражения = плану содержания. Косвенные РА (далее КРА) – «случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» [Серль, 1975, с.195]. Также Дж. Серль отмечает, что «в косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего» [Серль, 1975, с.197]

Главной мотивировкой использования КРА Дж. Серль называет вежливость. Н.И. Формановская добавляет к этому желание скрыть неблагоприятность речевого действия.

Дж. Серль выделяет конвенциональные косвенные речевые акты (далее ККРА). Автор пишет о том, что некоторые формы становятся «стандартными идиоматическими формами для косвенных речевых актов. Сохраняя свое буквальное значение, они используются косвенно, например, вежливые формы для вопросов» [Серль, 1975, с.196]. Дж. Серль приводит такой пример: «*Could you pass me the salt?*» (Не могли бы вы передать мне соль?). Автор указывает, что данный РА является не вопросом о возможностях адресата, а просьбой [Серль, 1975]. Интенция данных речевых актов прочитывается вне контекста.

Однако Н.И. Формановская отмечает, что от ККРА следует отличать такие высказывания, которые вне контекста, изолированно от него, не распознаются в том интенциональном значении, которое было в нем заложено адресантом. В качестве примера автор приводит высказывание «*У меня болит горло*», которое не содержит интенции отказа, однако в определенной коммуникативной ситуации может такое значение получить «- *Давай съедим мороженого. – У меня болит горло*» [Формановская, 2002, с.118]. Во втором случае это же высказывание будет представлять собой отказ в виде мотивировки, который может быть раскрыт так «*Я не могу есть мороженое, так как у меня болит горло*» [Там же].

С КРА также связано такое понятие как «иллокутивное самоубийство», которое означает невозможность выразить любой РА глагольным предикатом в 1ом лице, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения, например, нельзя сказать «*Я голословно заявляю, что...*» [Вендлер, 1985, с.241].

Данное понятие выделено З. Вендлером. Он пишет, что РА подобные вышеприведенному (я манипулирую, я льщу, я намекаю, я угрожаю и т.д.) содержат «подрывной фактор», который делает всё, что мы желаем скрыть, явным.

Позже теорию перформативов продолжает разрабатывать Дж. Л. Остин в статье «Слово как действие». Перформативами он называет «случай и

смыслы (слава богу, лишь некоторые), когда сказать что-то— значит сделать, когда посредством или в ходе произнесения слов мы что-то осуществляем» [Остин, 1975, с.33].

1.4.2. Речевые акты угрозы

Речевой акт угрозы – высказывание, содержащее «сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-л. действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-л. действие» [Стексова, 2014, с.702].

Как упоминалось ранее, глагол «угрожать» относится к группе глаголов, употребление которых в качестве перформативов приводит к «иллокутивному самоубийству». Однако мнения ученых относительно того, является ли глагол «угрожать» перформативным, разошлись. Так, Дж. Остин включает английский глагол «threaten» в группу перформативов [Остин, 1999]. С другой стороны, Дж. Серль пишет, что «...нельзя совершить актов, скажем, похвалы или угрозы, сказав: «*Настоящим я хвалюсь*» или «*Настоящим я угрожаю*» [Серль, 1986, с.197]. З. Вендлер, вводящий понятие «иллокутивного самоубийства», определяет «подрывной фактор» глагола «угрожать» так: «... используя этот глагол, я приглашаю вас не принимать во внимание мою угрозы: Я сам говорю, что это такое побуждение, которому следует сопротивляться» [Вендлер, 1985, с.247]. Р.М. Байрамуков также сомневается в том, что «угрожать» относится к группе глаголов-перформативов, так как: «в угрозе цель совершить в будущем действие, нежелательное для адресата, настолько прочно связана со структурой речевого замысла, что РДУ¹ является не столько иллокутивным, сколько перлокутивным действием» [Байрамуков, 2001, с.11].

Стоит отметить, что К.Ф. Седов выделил такой статус иллокуции агрессивных РА: «коммуникативный садизм», который осуществляется с помощью «словесного издевательства» [Третьякова, 2005, с.108].

¹ РДУ – речевое действие угрозы

Т.Б. Радби́ль и В. А. Юматов выделяют условия для успешного осуществления РА угрозы:

- Предварительные:
 - Наличие враждебного состояния у адресанта;
 - Возможность адресата осуществить действие;
- Наличие оформленного обещания адресанта причинить вред;
- «Условие искренности»: адресант искренне намерен исполнить свое обещание в случае, если адресат не выполнит обозначенные в угрозе требования;
- РА угрозы должен относиться к плану будущего времени [Радби́ль, Юматов, 2015].

Часто в состав угрозы входит обращение, которое может быть не только именем адресата *«Ты за это ответишь, Макар Нагульнов!..»*, но и оскорбления, фамильярные обращения *«Ты про батюшку лучше помалкивай, приятель. А то...»*, существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами *«Ну, подожди ж, племянничек родимый...»* [Новоселова, 2010, с.21]. М.А. Осадчий отмечает, что угроза может быть передана непосредственно адресанту, а может передаваться с помощью носителей информации или других участников коммуникации [Осадчий, 2012].

Т.Г. Рабенко и Н.Н. Нестерова приводят достаточно полную классификацию глаголов, которыми чаще всего выражается угроза:

- «Глаголов физического воздействия на объект:
 - Глаголы нанесения удара: наиболее частотны – *бить, ударить*, далее – *побить, опоясать, взгреть, огреть, ошарашить, садануть, двинуть* и др. Действие может выражаться дополнительными лексическими средствами, указывающими на инструмент действия и нередко на часть тела, которой будет нанесено повреждение: *ударить кастрюлей по башке, дать ... по лбу, шее, туфлей по морде, физиономии, настучать ... по башке, ушам, кумполу* и т.п.;

- Глаголы удаления объекта: *вышвырнуть, выкинуть, выдворить, выставить (вон)* и т.п.;
- Глаголы повреждения объекта: *вырвать волосы; оторвать ... руки, ноги, уши, голову; пырнуть ножом; башку открутить, разбить морду* и т.п.;
- Глаголы отрицательного воздействия на объект: *уработать, уложить, уничтожить, ликвидировать, карать, наказать, расстрелять, убить, укатать; показать кузькину мать; показать, где раки зимуют, прижать хвост* и т.п.
- Глаголов социальных отношений:
 - Глаголы принуждения: *(по)гнать ... палкой, поганой метлой;*
 - Глаголы влияния: *штрафовать, вляпать статью, раскулачить»* [Рабенко, Нестерова, 2007, с.237].

На морфологическом уровне угрозы в большинстве случаев выражаются глаголами будущего времени: «*Что важнее, я покажу, и ты увидишь, как Сидеть будешь без обеда, пока не переведешь на мой счет 2000. Меня не волнует, как ты это будешь делать. Можешь даже не говорить, что тебя не отпустит с территории офицер. Все эти отговорки не принимаются, имей в виду. Мне важен результат*» [Женисова, 2018, с.1]. Однако О. В. Новоселова отмечает, что угроза может выражаться глаголами настоящего («*Иначе ты... иначе знать тебя не хочу!*») и прошедшего («*Из окна ни разу не выпадал?*») или прошедшего времени («*А с колокольни ты не летал?..*», «*В переплете не был?*», «*Мало я вам, злодеям, головы рубил!*») [Новоселова, 2010, с.20]. Заметим, что угрозы, содержащие глаголы прошедшего времени, могут восприниматься вне коммуникативной ситуации просто как рогативы.

Также А.М. Женисова отмечает частое использование наречий, выражающих динамику действия: «*Пошел и сделал. Быстро, я сказал. Стоишь тут, думаешь. Пока думать будешь, счетчик капает*» [Женисова, 2018, с.1].

На синтаксическом уровне угрозы чаще всего представляют собой сложные предложения с условием («*Если ты будешь так себя вести, я с тобой никуда не пойду!*») [Рабенко, Нестерова, 2007, с.238]. Иногда одна из частей (условная или обещание негативного последствия) опускается: «*Если ты сейчас не заткнешься...*» или «- *Ну, одну рюмочку! – робко настаивает она. - Я сейчас уйду!*» [Там же, с.238].

В этой связи можно привести классификацию А.А. Кузнецовой, которая разделяет угрозы на простые угрозы и угрозы с условием. Простые угрозы (или угрозы без условия) реализуются в форме простых предложений двух типов:

1. Субъект выражен первым лицом, либо указание на него содержит предикат. Объект выражен вторым лицом в Р.п. или Д.п. либо предложно-падежными формами существительного «*Я тебя убью*»;
2. Субъекта не выражен. Объект выражен местоимением второго лица в И.п., Р.п., Д.п. Предикат относится уже к объекту «*Ты умрешь*». Важно отметить, что подобные РА будут выражать угрозы только в определённых случаях, когда коммуникативная ситуация подразумевает угрозу со стороны адресанта [Кузнецова, Маслакова, 2015, с.23-24].

Угрозы с условием выражаются в форме сложного предложения – чаще сложноподчиненного с придаточным условия «*Я тебя убью, если ты не достанешь деньги к среде*», реже сложносочиненного «*Достань деньги к среде, иначе умрешь*». Часто условие в угрозе обязательно, так как без него могут быть восприняты неоднозначно, ср. «*Если завтра не явишься в это время и не сдашь все долги, тебя выгонят из университета – Тебя выгонят из университета*». Также автор отмечает, что простые угрозы более категоричны, так как содержат в себе указание на негативные для адресата последствия, наступление которых не зависит от адресата [Кузнецова, Маслакова, 2015, с.24].

Более широкую структурную классификацию РА угрозы можно найти у О.В. Новоселовой, предлагающей пять моделей реализации РА угрозы:

- Модель М-1 – условные конструкции в форме сложноподчиненных предложений «*If you break it, you lose me and everything that I represent*» [Новоселова, 2013, с.40];
- Модель М-2 – высказывания в форме сложносочиненных предложений с причинно-следственной связью «*Move another step towards that door and I'll smush your skull open*» [Там же, с.44];
- Модель М-3 – высказывания в форме простых предложений с причинно-следственной связью «*Siddy, I'll lick you for that*», в которых может содержаться либо только следствие, либо следствие и причина [Там же, с.45];
- Модель М-4 – высказывания в форме сложноподчиненных предложений с любыми придаточными, кроме условия «*We shall know, how to make you find your tongue*», а также угрозы, состоящие из двух и более высказываний «*Keep your opinion to yourself! It will be safest for you*» [Там же, с.49];
- Модель М-5 – высказывания в форме сочетания трех и более простых предложений «*You see me standing on my grave; but I don't go into it, till I've sent him to his*» [Там же, с.50].

Также А.А. Кузнецова разделяет угрозы с точки зрения их семантики:

1. Нанесение физического ущерба:
 - а. Угроза жизни «*Я тебя убью. Я уничтожу тебя. Я кину тебе в чай крысиный яд. Ты отправишься на виселицу*», адресант также может выбрать в качестве мишени воздействия третье лицо, которое имеет значение для адресата «*Я оболью твоего ребенка керосином и подожгу. Я убью твою мамку, которая орет по ночам*»;
 - б. Угроза здоровью «*Я тебе сердце выжгу. Я тебе стрижку-вспышку сделаю. Я тебя съем. Я тебе все кости переломаю*»;
2. Нанесение материального ущерба «*Я порву все твои учебники. Я тебе тачку о стену грохну. Я разобью твой телефон*»;

3. Нанесение ущерба социальному статусу *«Если вы не придете на это мероприятие, вас отчислят. Еще раз опоздаешь, уволю к чертям. Если ты не вернешь мне долг, я тебя засужу»;*
4. Нанесение психологического ущерба *«Я сделаю так, что тебе будет стыдно друзьям в глаза смотреть. При встрече я плюну тебе в лицо. Я закрою тебя в одной комнате со Стасом Михайловым»;*
5. Угроза раскрытия компрометирующих сведений, шантаж *«Я тебя сдам, спалю. Я расскажу всем твои тайны. Я взломаю твою почту и прочитаю твои письма»;*
6. Нанесение иного ущерба, лишение привилегий *«Я завалю тебя на экзамене. Я найду твоих детей и буду ставить им плохие оценки. Будешь наказан на месяц»;*
7. Абстрактные угрозы *«Я буду преследовать тебя до конца твоих дней. Я сделаю плохо твоим близким. Я тебе отомщу. Ты пожалеешь. Ты за все ответишь»* [Кузнецова, Маслакова, 2015, с.24-25].

Н.В. Хохлова, Р.М. Байрамуков и Д.О. Жучков выделяют прямые и косвенные способы реализации РА угрозы. Рассмотрим их подробнее.

К прямым способам выражения угрозы Н.В. Хохлова, вслед за Р.М. Байрамуковым, относит высказывания, содержащие «глаголы физического воздействия <...>, имеющие следующие значения: “лишение жизни”, “нанесение побоев”, “отторжение”, “лишение различных прав или возможностей”» [Хохлова, 2004, с.65] в форме 1-3-го лица единственного или множественного числа и объект в форме 2-3-го лица единственного или множественного числа в винительном и дательном падеже. Однако такие высказывания должны быть использованы в определённой коммуникативной ситуации при определённой эмоциональной нагрузке, например *«Да я ему подлецу!.. Да я ему голову оторву!.. Расстреляю за пьянство!..»* [Хохлова, 2004, с.66]. Автор отмечает, что прямые угрозы составляют наименьшую часть высказываний, используемых для реализации угрозы. Подобные угрозы в работе Р.М. Байрамукова назывались моноинтенциональными, то есть прямые

угрозы – это такие угрозы, которые реализуют только интенцию угрозы [Байрамуков, 2001].

Косвенные угрозы, как пишут авторы, имеют более одной интенции, т.е. полиинтенциональны. Р.М. Байрамуков выделяет два типа таких угроз: полиинтенциональные угрозы с наложением интенций и угрозы с разнонаправленными интенциями [Байрамуков, 2001].

Особенность первого типа косвенной угрозы заключается в вытеснении угрозой первичной интенции так, что она уходит на второй план и придает РА соответствующие оттенки значений. Другими словами, полиинтенциональная угроза с наложением интенция – это угроза, выраженная в форме другого высказывания [Хохлова, 2004]. Среди таких форм Н.В. Хохлова выделяет, например: угрозу-обещание (*«Клянусь, я научу тебя слушаться!»*) [Хохлова, 2004, с.69]; угрозу-напоминание (*«Молчи, Александр, - отвечал Кирилл Петрович, - не забудь, что я собираюсь с тобой разделаться»*) [Там же, с.69]; угрозу-раздумье (*«Выдрать бы тебя как следует»*) [Там же, с.70]; угроза-предсказание (*«Могиканин, ты умрешь!»*) [Там же, с.70]; угрозу-совет (*«Вам лучше уйти заблаговременно, Слезнёв, - угрожающе повторял Валерий...»*) [Там же, с.70]; угрозу-опасение (*«Вы сообщайте, куда следует, но меня не пугайте, я не из полохливых... И пока не трожьте меня... - А то боюсь, как бы вас мои казаки не потрепали»*) [Там же, с.70] и др.

Второй же тип косвенных угроз характеризуется равноправностью реализуемых интенций, хотя интенция угрозы становится ясна только из контекста [Хохлова, 2004]. Среди этого типа угрозы можно выделить такие: сообщение и угроза (*«Я звоню в милицию!»*) [Байрамуков, 2001, с.35]; похвала и угроза (*«Я сам кого хочешь обману»*) [Там же, с.35]; риторический вопрос и угроза (*«Ну, - кто смерти хочет?»*) [Хохлова, 2004, с.72]; обещание и угроза (*«Я поговорю с твоими родителями»*) [Там же, с.72] и др.

В свою очередь Д.О. Жучков выделяет две стратегии реализации РА угрозы – прямую и косвенную.

Прямая стратегия «позволяет говорить о прямом эксплицитном способе реализации угрозы» [Жучков, 2010, с.133], при котором эксплицитно выражены все условия, обеспечивающие успешность РА угрозы, то есть в вербальных угрозах, построенных с использованием прямой стратегии, эксплицитно выражены: обещание адресанта совершить негативные для адресата действия; отнесенность негативных последствий к будущему; явный ущерб для адресата («*If you come near the boat I'll shoot you through the head*» [Там же, с.134]).

Помимо прямой Д.О. Жучков выделяет два типа косвенной стратегии: косвенный эксплицитный способ и косвенный имплицитный способ. При использовании косвенного эксплицитного способа эксплицируются не все условия успешности РА угрозы, а наиболее важные в данной ситуации («*I'll find you*» [Там же, с.145]). При косвенном имплицитном способе все условия успешности имплицитно выражаются («*Funeral for Fox's friends and then for Fox*» [Там же, с.149]).

Тем не менее, мы не можем согласиться с Р.М. Байрамуковым, Н.В. Хохловой и Д.О. Жучковым в выделении прямых речевых актов угрозы, так как «угрожать» входит в группу глаголов, которые в форме перформативов провоцируют «иллокутивное самоубийство». В этой связи, те РА, которые отнесены авторами к прямым угрозам, мы отнесем к конвенционально-косвенным угрозам, то есть к угрозам, которые однозначно интерпретируются как угрозы вне контекста коммуникативной ситуации.

А.Н. Баранов делит угрозы на два типа: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения. Угрозы-наказания имеют место в ситуациях, когда нежелательное для адресанта действие уже было совершено, и говорящий предупреждает адресата о наказании («*Начальник Канцелярии принял слова Данилова на свой счет, бился в ужасном гневе, грозил упечь Данилова в расплавленные недра Земли*» [Баранов, 2014, с.140]). Угрозы-предупреждения используются, когда адресант хочет предотвратить нежелательное действие говорящего («*– Все доводил. Грозил, если не скажу кто любовник, то убьет.* –

И ты сказала? – Да. Он про тебя все знает» [Там же, с.141]). Вариантом угрозы-предупреждения является угроза-понуждение – говорящий, наоборот, хочет определенного действия от адресата («*Совсем не помню, что я отвечала этому полковнику. Кажется, я больше молчала, только изредка повторяя: «Не подпишу!».* Он то грозил, то уговаривал, обещал свидание с мужем, с детьми» [Там же, с.141]).

1.4.3. Повседневная коммуникация. Речевые акты угрозы в повседневной коммуникации

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой повседневный имеет два значения:

1. «Совершающийся, происходящий, имеющий место каждый день, изо дня в день.
2. перен. Будничный, обыденный» [URL: <https://www.efremova.info/word/povsednevnyj.html#.X-oMeR5R3Dc>].

В данной работе мы будем использовать понятия «повседневный» и «обиходный» в качестве синонимов и помнить, что обиходный стиль включает в себя, помимо обиходно-бытового, обиходно-деловой подстиль, который характеризует отношения в профессиональной среде.

Н.И. Формановская называет общие черты обиходной коммуникативной ситуации: «Обиходное общение – устное, непосредственное, контактное, дающее возможность видеть и оценивать партнера» [Формановская, 2014, 57].

Обиходная коммуникация – «часть общественно-языковой практики социума, в которой решаются коммуникативные и жизненные задачи его членов как частных лиц; в обиходное общение включены все члены сообщества, оно не требует специальной подготовки, а усваивается традиционно, можно сказать с молоком матери» и является «первичной формой речевого поведения и бытования языка» [Культура русской речи, 2003, 383-384].

В.И. Карасик акцентирует внимание на том, что обиходный дискурс «является генетически исходным и содержит в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне» [URL:

http://www.ahmerov.com/book_1074.html]. А.Н. Байкулова отмечает, что сочетание «обиходная коммуникация» имеет отрицательную коннотацию: «будучи отнесённым к предметно-тематической сфере повседневного общения, он автоматически сужает круг явлений, которые могут обсуждаться в разговорном диалоге...» [Байкулова, 2006, 12].

Обиходная коммуникация является личностно-ориентированным типом дискурса, однако коммуниканты могут быть как знакомы, так и не знакомы. В случае, когда коммуницирующие знакомы, могут возникать ситуации очень разнообразные с точки зрения социально-лингвистических параметров и тематического содержания, «в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир» [URL: http://www.ahmerov.com/book_1074.html]. Если в контакт вступают незнакомые, то, как отмечает Н.И. Формановская, общение, как правило, вызвано необходимостью, оно короткое, стереотипное, тематически навязанное ситуацией общения. «При этом собеседники видят/знают основные необходимые для контакта признаки друг друга: прохожий и прохожий; пассажир и другой, может быть, и водитель; покупатель и продавец (исключая магазины самообслуживания) и т.д.: – *Ваш автобус по короткому или длинному маршруту? – Номер напечатан красным, значит – по короткому*» [Формановская, 2014, с.58].

Спецификой обиходной коммуникации является стремление «максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [Там же]. Кроме того, обиходная коммуникация направлена на удовлетворение практических потребностей коммуникантов.

Н.И. Формановская выделяет признаки обиходного стиля:

1. «Этим стилем владеют 100% носителей языка» [Формановская, 2014, 56], когда другими стилями владеет ограниченное число носителей;

2. Владению обиходным стилем не надо обучаться, он «естественно входит в жизнь человека вместе с его повседневностью» [там же], когда другим стилям необходимо обучаться;

3. Обиходный стиль существует преимущественно в устной форме, другие стили равно используют письменную форму;

4. В обиходном стиле превалирует диалог, дополняемый невербальными компонентами общения;

5. Речевые произведения обиходного стиля непосредственно связаны с реальной ситуацией общения. «Ее компоненты: кто – кому – о чём – почему – зачем – где – когда – в каком тоне – в каком этносе – в каком социуме и т.д.» [Там же];

6. «Обиходная речь спонтанна, не требует предварительной подготовки, возникает по житейской необходимости, как бы «сама по себе»;

7. В обиходе много фатических дискурсных/текстовых элементов. Бытовые разговоры «ни о чём», повседневная «болтовня» здесь типичны;

8. Реальные собеседники – адресант и адресат – наделены социальными и психическими признаками, непосредственно влияющими на производимый/воспринимаемый дискурс, открыты для восприятия партнёра и ориентировки на главные его признаки. В других стилях, особенно в письменной текстовой их разновидности, присутствует «образ автора», вычлняемый из анализа текста» [Там же];

9. В обиходной коммуникации мало нарратива;

10. В среде знакомых коммуникантов обиходный стиль не ограничен в темах; среди незнакомых – тематически лимитирован.

Обиходная коммуникация проявляет меньше всего требований к речи, так как условия производства разговорной речи (спонтанность) способствуют появлению многочисленных искажений: «структурные перебои, возвраты к началу конструкции, лишние вставные элементы и многое другое» [Дьякова, 2009, 2], которые считаются типовыми и допустимыми.

Обиходная коммуникация под влиянием тех же условий становится более логичной и точной, только когда обсуждаются предметы и явления, не связанные непосредственно с привычной, бытовой стороной жизни.

Наиболее хорошо в обиходной речи развиты такие качества, как выразительность и богатство, что объясняется свободой и нерегламентированностью обиходной коммуникации, «широким диапазоном эмоциональных, нравственных, логических, тематических, психологических колебаний и различий, которым подчиняется разговорное речевое поведение людей» [Дьякова, 2009, 3].

Границы между жанрами, в которых существует обиходная коммуникация, очень размыты, отчасти оттого, что тематическая направленность речевой ситуации не выдерживается.

Стилистические особенности проявляются в фамильярности, небрежности и даже грубости. Обиходная коммуникация тяготеет к экономии языковых средств и замене их экстралингвистическими и невербальными средствами. Так как обиходная коммуникация тяготеет к устной форме, то в речи присутствуют повторения, оговорки, переспросы, перебивы и др.

Частотно употребление эмоционально-окрашенной и разговорной лексики, иногда просторечий, слова-дублеты (замена официальных названий предметов разговорными аналогами), слова-указатели и слова с опустошенным значением (могут обозначать что угодно), слова-"губки" («имеют либо очень общее значение, либо неопределенное, которое конкретизируется ситуацией или контекстом» [URL: <https://studfile.net/preview/1101520/page:33/>]). Г.А. Солганик акцентирует внимание на размытости значения слов, употребляемых в разговорном диалоге («— Ох, как нравится мне эта вещь! Слово вещь в этой фразе может означать и пианино, и карандаш, и статую, и чемодан, и кино-фильм, и что угодно — предмет, явление, изделие и т.д. И это очень характерно для лексики разговорной речи» [Там же]).

Синтаксически конструкции обиходной коммуникации характеризуются частотным использованием простых и неполных предложений, характерны присоединительные конструкции, которые связаны со спонтанным характером речи.

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова выделяют два типа ситуаций, характерных для повседневной коммуникации:

1. Ситуации-стереотипы – часто повторяющиеся ситуации, входящие в обычный, повседневный цикл жизни человек и, сохраняясь, варьируется от семьи к семье. Подобные ситуации имеют свои шаблоны («например, ситуации уход соответствует этикетный жанр прощания» [Шаталова, 2013, с.18].

2. Спонтанные ситуации – ситуации, которые не характеризуются регулярностью (но могут периодически повторяться). В данных ситуациях могут быть затронуты темы как касающиеся личной жизни коммуникантов, так и выходящие за пределы обиходной коммуникации в сферу бытийной [Шаталова, 2013].

Если участники бытовой коммуникации находятся в равных статусно-ролевых отношениях (друзья, муж и жена, коллеги), то их коммуникация рассматривается с точки зрения обоснованности аргументов и содержания, а не с точки зрения влиятельности, авторитетности. Скорее всего, у таких коммуникантов общие интересы и угроза представляет собой предостережение от ошибки, которая, вероятно, повлияет на обоих коммуникантов.

При неравных статусно-ролевых отношениях ситуации угрозы могут быть разделены на две группы: угроза сверху вниз (угрожающий выше по статусу или роли) и снизу вверх (угрожающий ниже по статусу или роли).

Н.В. Митяева Г.Н. и Пыженко на основе английского языка провели исследование, в результате которого выяснили, что при равных позициях коммуникантов угрожающий чаще всего использует РА угрозы, в которых эксплицитно выражены либо все условия успешности, либо некоторые из них.

Кроме того, относительно формы реализации, выявлено, что большинство угрожающих прибегают к угрозам-предупреждениям или к угрозам-обещаниям («*Fuck with me, buddy, I'll kick your ass so hard you'll have to unbutton your collar to shit*» [Митяева, Пыженко, 2014, с.143] – угроза-предупреждение). Также обращается внимание на преобладание высказываний, угрожающих физическому здоровью, которые в связи с этим содержат деструктивную лексику, часто вульгаризмы. Кроме того, следует отметить наличие сленга и оскорблений. В синтаксисе встречаются все типы предложений, однако часты экспрессивные конструкции, например, обращения, повторы, параллелизм («*If I ever, I mean if I ever see you here again, you die (snaps fingers) just like that*» [Там же, с.144]).

В случае неравных статусно-ролевых отношений сверху вниз наибольшей частотностью опять же обладают угрозы, в которых все условия успешности эксплицитрованы. Лексическая составляющая тоже не меняется: оскорбления, вульгаризмы, слова со значением негативного результата. Синтаксически большей популярностью пользуются императивы, так как они обладают большей категоричностью («*I want to know who's responsible for this, otherwise I hold you responsible*» [Там же, с.144]).

Если же угроза идет снизу вверх, то чаще встречаются РА угрозы, в которых эксплицитно выражены некоторые условия успешности, на втором месте РА угрозы с полностью имплицитными условиями успешности и самыми последними идут РА угрозы с эксплицитным выражением всех условий успешности. Наиболее активно используются угрозы-предупреждения. В лексическом составе таких угроз отсутствуют оскорбления и практически нет вульгаризмов. Синтаксически угрозу снизу вверх обычно выражают вопросами, которые условно оставляют возможность выбора («*Alright. I hear you loud and clear. Rebecca Payne, right? I'm writing it down. Lot of cops out here, John. Are you sure you want to go through with this?*» [Там же, с.144]).

В свою очередь Е.В. Белова акцентирует внимание на том, что угроза в составе возможных конфликтных речевых жанров в обиходном дискурсе занимает разное положение в зависимости от статусно-ролевых отношений коммуникантов, в частности коммуниканты в равных отношениях более склонны применять угрозу в качестве убеждения. Если же угроза идёт сверху вниз, то она будет рассматриваться как способ давления практически в последнюю очередь [Белова, 2016].

С точки зрения гендерного аспекта, более склонны к использованию угрозы в межличностной коммуникации мужчины, которые, по словам психологов, более склонны к конфликтному, соревновательному поведению. Однако мужчины более склонны применять прямые РА угрозы «*Cops may let you by, Red, but you come in here acting like a big man and I will knock you down*» [Шилина, 2018, с.382], а женщины – косвенные «*You have lost your mind and you leave us no choice. But it's all right. We're gonna make you all better*» [Там же, с.382].

Ван Вэньцзя отмечает, что адресант с помощью угроз пытается вызвать у адресата страх и заставить подчиниться своей воле, хотя тактика угрозы является рациональной («говорящий рассуждает логически и предупреждает партнера о своих намерениях» [Волкова, 2009, с.109] воздействует она на эмоции адресата. В.М. Глушак пишет, что «угроза является основным речевым актом, используемым для внушения страха одним участником коммуникации другому» [Глушак, 2010, с.154].

О.С. Волкова, рассматривая способы реализации угрозы в повседневной коммуникации на материале английского языка, пишет, что угрозы, как правило, реализуются в ультимативной форме «*сделай то, что я хочу, или я ...*» [Волкова, 2009, с. 110], а также для РА угрозы характерна гиперболизация потенциального ущерба и эмоционально-экспрессивные формулировки “*Now check your voice mail. If she called, we`re dead. You`re dead*” [Там же, с.110].

Ю.В. Щербинина к проявлению агрессии в обиходной коммуникации относит только сложный речевой жанр семейной ссоры, который может быть

направлен на достижение трёх психологических эффектов: подавление, унижение, принуждение. Разные типы высказываний порождают разные эффекты. С помощью РА угрозы достигается эффект принуждения.

В пособии М.Я. Дымарского РА угрозы относятся к открыто конфликтному типу реализации стратегии принуждения к подчинению, который заключается в том, что ход коммуникации не совпадает с желаниями говорящего, поэтому он с помощью определенных речевых поступков стремится воздействовать на адресата в своих целях.

Мулькеева В.О. относит тактику угрозы к стратегии вербального насилия, несущей ущерб негативному лицу адресата, «его стремлению к независимости, неприкосновенности территории» [Мулькеева, 2006, с.13]. Тактика угрозы направлена на изменение контекста, в котором адресат принимает решение. Это намерение подтверждается двухчастной моделью, где первый компонент – побуждение к действию, а второй – гипотетическая ситуация, являющаяся альтернативой к первому компоненту.

Кроме того, Щербинина отмечает, что РА угрозы возникают в самых пиковых стадиях ссоры, так как является одним из самых деструктивных типов агрессивных РА (см. приложение 1, пример №10). При этом в ситуации предельного обострения отношений ссора может переходить в словесную дуэль – обмен угрозами. Такая дуэль способствует высвобождению накопленной агрессии и предупреждает физическую агрессию.

В подтверждение этому семейные психологи, описывая тактику угрозы в семейных ссорах, отмечают, что РА угрозы не способствуют разрешению конфликта и возникают в те моменты, когда ни у кого уже не осталось аргументов, но менять свои позиции коммуниканты не хотят.

В некоторых странах РА угрозы носит противоправный характер и в семейной среде приравнивается к домашнему насилию (если говорить более точно – к психологическому насилию в семье).

Кроме того, ученые обращают внимание на спонтанный и динамичный характер конфликтов обиходной коммуникации, что, однако не означает, что

его нельзя запланировать. В связи с этим, надо сказать, что РА угрозы в обиходном дискурсе в случае спонтанного конфликта, как правило, бывают прямыми или конвенциональными косвенными, так как в непредсказуемой стихии ссоры креативность и конструирование сложных угроз уходит на второй план.

1.4.4. Транспонированное употребление речевых актов угрозы в повседневной коммуникации

Транспозиция – «использование одной языковой формы в функции другой формы — её противочлена в парадигматическом ряду. В широком смысле транспозиция — перенос любой языковой формы, например транспозиция времён (использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего), наклонений (употребление императива в значении индикатива или условного наклонения), коммуникативных типов предложения (употребление вопросительного предложения в значении повествовательного) и др. Термин «транспозиция» используется также для обозначения метафор и иных переносов в лексике» [URL: <http://tapemark.narod.ru/les/519a.html>]. Транспозиция в узком смысле – перевод слова из одной части речи в другую, но нас будет интересовать именно широкое значение.

Так, О.В. Новосёлова относит к транспонированным (или вторичным) угрозам вопросительные и имплицитные конструкции угрозы (в параграфе 1.4.2 представлена классификация основных эксплицитных моделей, данных автором). Отмечается, что «процесс транспозиции, как правило, затрагивает только план выражения <...>, но не план содержания» [Новосёлова, 2013, с.51].

Относительно вопросительных конструкций О.В. Новосёлова пишет, что такие РА воспринимаются как угрожающие благодаря целеустановке, отличной от обычного вопроса (запрос информации, например): «*Maybe a judge will believe me, Miles? (Heinlein, 2010); (80) will you take yourself off, before I do you a mischief? »* [Там же].

Имплицитные же конструкции, выражающие угрозу, отличаются от основных форм реализации угрозы тем, что не содержат «эксплицитное указание со стороны адресата на характер и вид ожидаемого действия» [Там же, с.55].

Для наглядности автор приводит такой пример: «*But if you will tell me which way he ran I will let you go*» [Там же, с.55]. Чтобы узнать угрожающий характер высказывания и вид ожидаемого действия, адресату не нужно прибегать к анализу коммуникативной ситуации. Цель и иллокутивный характер данного РА понятны без контекста.

Тогда как высказывание: «*Just remember, Mither Calhoun, ye`re in Texas, and not Mississippi*» – может быть в зависимости от коммуникативной ситуации («при определённых условиях, когда говорящий «связывает» воедино семантическое содержание таких высказываний, их информативную значимость и коммуникативное намерение с рядом экстралингвистических факторов») оценено по-разному: «как констатация конкретного факта, предупреждение или угроза» [Там же, с.55]. Экстралингвистические факторы, влияющие на понимание конкретного речевого акта и на правильность его декодирования, именуется пресуппозициями.

Н.В. Хохлова называет транспонированное употребление РА угрозы «оказиональными способами реализации угрозы» [Хохлова, 2004, с.73] – такие РА имеют нарушения в организации или осуществлении тактики угрозы, то есть в них не соблюдаются, либо соблюдаются не все условия успешности РА угрозы. Так, автор выделяет три типа таких нарушений, которые будут рассмотрены далее.

Первый тип нарушений – интенциональное несоответствие. Автор приводит шесть примеров (см. приложение 1, пример №11), в которых отрицательное отношение говорящего ко второму коммуниканту отсутствует, перед адресантом стоит цель не устрашения, а «мягкого и вместе с тем настойчивого побуждения к действию – в первом случае, участливого пожелания здоровья – во втором, эмоциональной разрядки – в третьем и

четвертом высказываниях, в пятом случае под видом такой жестокой угрозы скрывается категорическое запрещение, в последнем примере угроза произносится в шутку» [Там же, с.75]. То есть с формальной точки зрения высказывания представляют собой РА угрозы, но благодаря иной интенции они переходят «в благожелательную или шутливую тональность» [Там же, с.75]. Автор останавливает внимание на том, что подобные переходы возможны только в дружеской коммуникации, так как только в таком типе общения они могут быть адекватно поняты.

Следующий тип нарушений – это «дипломатические» угрозы, при организации которых нарушается обстоятельства реализации РА угрозы, касающиеся сферы применения подобных РА. Связан данный тип нарушений с тем, что основная сфера функционирования тактики угрозы – обиходно-бытовая коммуникация, поэтому появление его в других сферах общения не предполагается. Автор даёт такой пример: «*Пока мы намерены все вопросы решать мирными средствами*» [Там же, с.76]. В данном случае мы видим констатацию факта, которую, тем не менее, можно прочесть так: «как только придёт время (когда у нас иссякнет терпение), мы начнём войну» [Там же, с.76]. Таким образом, «дипломатические» угрозы, как правило, реализуются в форме утвердительных предложений: сообщений, напоминаний. Характерная черта подобных угроз – максимальная завуалированность, доведение косвенности до предела.

И третий тип – ирреально-обусловленные угрозы. В этом типе РА угрозы выражаются в сослагательном наклонении, то есть адресант хотел бы, но не имеет возможности реализовать своё намерение, например: «*Не будь ты цыган, я бы тебя расстрелял*» [Там же, с.78]. Часто в конструкциях ирреально-обусловленных угроз содержится условие, которое относится не к адресату, а к адресанту: «*Если бы они [драгоценности] принадлежали мне, а не ювелиру, я бы заткнул ими вашу неблагодарную глотку*» [Там же, с.78]. В данных РА нет обещания причинить вред, говорящий просто информирует адресата о желаемых действиях.

Таким образом, транспонированные РА угрозы, хотя и относятся к группе угроз, имеют иные способы выражения или интенции. Хотя стоит отметить, что феномен транспонированного употребления РА угрозы изучен достаточно плохо.

1.4.5. Речевые реализации интенции угрозы в поликодовой коммуникации

Л.С. Большакова предлагает выделять три типа текстов: монокодовые, дикодовые и поликодовые. Рассмотрим коротко каждый из данных типов:

- Монокодовый текст включает «коды только одной семиотической системы, прежде всего знаковой системы языка (в ее письменной форме)» [Большакова, 2008, с.20]. Примерами могут быть любые печатные издания без иллюстраций.
- Дикодовый текст – включает коды двух знаковых систем. В качестве примера автор берёт креолизованные тексты – тексты, сочетающие и вербальную, и невербальную составляющие, т.е. кино, радио, телевидение, реклама и др.
- Поликодовые тексты – сочетание «естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [Ейгер, 1974, с.107]. Поликодовые тексты различаются по количеству взаимодействующих систем.

Учеными выделяются разные типы корреляции вербальных и невербальных компонентов в поликодовых текстах, в связи с чем выделяется и разное их количество. Так, Е.Е. Анисимова выделяет два вида отношений:

1. Взаимодополнение – вербальный компонент выполняет функцию дополнительного средства, то есть невербальную составляющую можно понять и изолированно от вербальной;
2. Взаимозависимость – интерпретация невербального компонента напрямую зависит от вербального.

В.А. Сенцова пишет о пяти видах корреляции:

1. Тексты с вербально-доминирующей корреляцией – вербальная составляющая автономна, тогда как невербальная – вторична и служит для дополнения, усиления вербальной;
2. Тексты с невербально-доминирующей корреляцией – главным является невербальный компонент, а вербальный его дополняет;
3. Тексты со взаимозависимой корреляцией – только при взаимодействии вербального и невербального компонентов достигается поставленная коммуникативная задача;
4. Тексты с оппозиционной корреляцией – содержание вербального и невербального компонентов противоречат друг другу, порождая комический эффект;
5. Тексты с взаимодополняющей корреляцией – взаимодействие вербального и невербального компонентов приводят к усилению общего значения угрозы.

О.В. Шмыгина выделяет 4 формы выражения угрозы:

1. Вербальные угрозы;
2. Невербальные угрозы – угрозы, сопровождающиеся особыми оптико-кинестическими, паралингвистическими и экстралингвистическими приемами;
3. Сложные угрозы – угрозы с демонстрацией оружия или того, что будет использоваться в качестве оружия, и угрозы, совмещенные с совершением других противоправных действий;
4. Смешанные угрозы – угрозы, содержащие несколько форм выражения.

Интенция угрозы также может выражаться не только с помощью вербальной составляющей, но и с помощью других семиотических систем.

Например, с помощью невербального поведения адресанта. Б.Я. Шарифуллин приводит в качестве примера жест, зародившийся в криминальной среде и оттуда попавший в неформальное подростковое поведение, - жест «коза». «Обычно сопровождается вербальными формулами типа «Моргала выколую!» [Шарифуллин, 2016, с.22]. Автор отмечает, что

данный жест так же используется в культуре фанатов рок-музыки и для общения с ребёнком, но в данных ситуациях жест, естественно, теряет интенцию угрозы. Однако стоит отметить, что сейчас приведённый жест встречается в значении угрозы у представителей старшего поколения.

Б.Я. Шарифуллин замечает, что «коза», конечно, не единственный жест с интенцией угрозы: «есть и иные жесты, репрезентирующие РЖ «угроза», например «кулак», особенно когда кулаком замахиваются с правого или левого (если угрожающий левша) плеча. Такими знаками угрозы могут быть также мимика, позы тела и т.п. В этом отношении человек не так уж далеко отошёл от угрожающих сигналов животных» [Там же, с.22].

Также и Г.Е. Крейдлин, выделяя подклассы агрессивных жестов, обозначает и угрожающие жесты («жесты угрозы, например *погрозить пальцем / кулаком* и др.» [Крейдлин, 2005, с.136]).

Н.В. Хохлова отмечает, что в отличие от животных жесты и мимика, сопутствующие высказыванию, чаще всего усиливают и оттеняют смысл сказанного. Так, «эмоции, владеющие человеком в момент произнесения угрозы, отражаются во всем его облике <...>: *Губы у него дрожали, лицо кривили судороги; две жилы вздулись на висках (М.Г.-142); ... и глаза у него злое разгорались (М.Г.-178); ... вдруг побагровел и сжал кулаки <...>* и т.д.» [Хохлова, 2004, с.80].

Так в русском языке автор выделила такие наиболее частые изменения в человеке: дрожать, дрожь; задыхаться, прерывисто дышать; сжать кулаки, стиснуть кулаки; погрозить кулаком; делать что-либо с трясущимися руками; стиснуть зубы; побагроветь; трястись от гнева; дрожать всем телом. Однако, по замечанию Н.В. Хохловой, РА угрозы может и не сопровождаться экспрессией и произносится хладнокровно: «*В голосе его не было ни раздражения, ни угрозы, он говорил спокойно, бил людей привычными, ровными движениями крепких, длинных рук*» [Там же, с.81]. Часто подобное хладнокровие свидетельствует о «коммуникативном коварстве» - данный

прием призван сбить адресата с толка несоответствием РА и поведением адресанта.

Если выше Н.В. Хохловой были указаны невербальные составляющие, которые могут сопровождать не только РА угрозы, но и другие агрессивные РА, то такие сочетания как: сжать кулаки; погрозить пальцем, кулаком; стучать кулаком по столу; ударить кулаком, - являются специальными средствами выражения угрозы.

Кроме того Н.В. Хохлова указывает и на символические способы выражения угрозы, которые в современном мире более характерны для каких-либо группировок, например, черная метка или брошенная перчатка.

Учитывая, что в современном мире повседневная коммуникация часто происходит опосредованно, с помощью мессенджеров, социальных сетей и т.д. стоит отметить частотное использование эмодзи и картинок (мемов, демотиваторов, открыток и проч.) в качестве угроз.

Т.В. Нестерова дает такой пример:

Рис.1 [Нестерова, 2019, с.283] 5

В данном демотиваторе (Рис.1), помимо вербальной составляющей («РА угрозы “Ну всё! Я звоню бабушке!”») [Нестерова, 2019, с.282]), есть и невербальный компонент – ребенок на рисунке имеет «сердитое выражение лица, угрожающий взгляд, крик» [Там же, с.282]. Однако в целом демотиватор имеет шутовую коннотацию, возникающую за счет смещения интенции в сторону шутки («маленькие террористы» - семейные тираны; «бабушки их крышуют» - нарушение стереотипа и социальной роли: «крышуют» обычно криминальные авторитеты).

Таким образом, поликодовые угрозы имеют достаточно большой арсенал невербального функционирования, который, однако, практически не изучается.

Выводы по первой главе

В данной главе были описаны теоретические аспекты, необходимые для дальнейшего анализа РА угрозы в обиходной коммуникации. В итоге хотелось бы подчеркнуть следующее: в качестве рабочего определения речевой агрессии мы возьмём дефиницию, данную Т.И. Стексовой: «высказывание является угрозой, если оно содержит «сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-л. действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-л. действие» [Стексова, 2014, с.702].

Для дальнейшего анализа материала мы будем использовать такую классификацию речевых актов угрозы:

1. Количество взаимодействующих кодов:
 - 1.1. Вербальные угрозы;
 - 1.2. Угрозы, реализованные с помощью поликодовых текстов:
 - 1.2.1. Тексты с вербально-доминирующей корреляцией;
 - 1.2.2. Тексты с невербально-доминирующей корреляцией;
 - 1.2.3. Тексты со взаимозависимой корреляцией вербального и визуального компонентов;
 - 1.2.4. Тексты с оппозиционной корреляцией вербального и визуального компонентов;
 - 1.2.5. Тексты с взаимодополняющей корреляцией вербального и визуального компонентов;
2. Цель угрозы (по А.Н. Баранову):
 - 2.1. Угрозы-наказания;
 - 2.2. Угрозы-предупреждение;
 - 2.3. Угрозы-понуждения;
3. Позиции коммуникантов в предстоящем диалоге:
 - 3.1. Симметричные (равностоящие);
 - 3.2. Несимметричные:
 - 3.2.1. Вышестоящий/ нижестоящий;

- 3.2.2. Нижестоящий/ вышестоящий;
4. Языковые и речевые средства и способы, используемые для реализации цели:
- 4.1. Наличие глаголов физического воздействия (нанесение удара, удаление объекта, повреждение объекта, отрицательного воздействия на объект) и глаголов социальных отношений (глаголы принуждения и влияния);
 - 4.2. Угрозы с условием или без условия;
 - 4.3. РА, за счет которых выражается угроза (сообщение, совет, обещание, напоминание, предсказание, опасение и др.);
 - 4.4. Степень косвенности РА (конвенциональные косвенные и контекстуально-ситуативные косвенные РА угрозы);
 - 4.5. Семантическое наполнение угрозы (физический, материальный, психологический ущерб, ущерб социальному статусу, шантаж, иной ущерб, лишение привилегий, абстрактные угрозы);
 - 4.6. Приемы косвенного построения угрозы (умолчание, интонация, риторический вопрос, враждебный намек, иносказание).

Глава II. Речевые акты угрозы в повседневной коммуникации

2.1. Угрозы-наказания

В ситуациях, когда нежелательное для адресанта действие уже совершено, применяются угрозы-наказания. Всего среди собранного материала было выявлено 1 РЖ и 45 РА, содержащих угрозу-наказание. Рассмотрим некоторые из них.

Пример №1

К1 и К2 – игроки любительского хоккейного клуба, молодые люди около 18, вспыльчивые.

К1 – сын прокурора, мажор, привыкший всё получать, за что К2 его недолюбливает, ведет разгульный образ жизни.

К2 – примерный ученик, хороший сын, справедливый.

Ситуация: К1 завел роман одновременно с двумя девушками. Когда одна из них увидела вторую, К1 попросил К2 сказать, что одна из девушек - его. К2 отказался помогать К1.

К1: Ну че, упырь, доволен?

К2: Руку убери.

К1: Че, трудно было подыграть, да?

К2: На льду - ради бога, а в остальном - даже не собираюсь.

К1: Втащить бы тебе, дятел.

К2: А здоровья хватит?

К1: А хватит.

(Их разнимают)

В данном примере РА угрозы «*Втащить бы тебе, дятел*» реализуется с целью предупредить о наказании за несовершенное действие (К2 не «подыграл» К1). К1 и К2 – игроки одной хоккейной команды, находящиеся в равном социальном положении. Данный РА угрозы представляет собой ККРА и реализуется за счет РА раздумья. В примере содержится жаргонный глагол со значением физического воздействия - «*втащить*» (ударить). С точки зрения синтаксиса рассматриваемый пример представляет собой простую

угрозу, то есть не содержит условия, так как в нем нет необходимости (нежелательное действие уже совершено). Приведенный РА угрозы содержит обещание физического ущерба (нанесение вреда здоровью). Также, агрессивность РА усиливается из-за оскорбления «*дятел*» (в неформальной речи значит *тупица, зануда*). Перлокутивный эффект не достигнут, так как К2 угрозы не боится, более того, готов на нее ответить.

Пример №2

К1 –сын прокурора, мажор, привыкший всё получать, ведет разгульный образ жизни.

К2 – девушка, около 18, капитан команды чирлидеров.

Ситуация общения: К2 забеременела, и по сроком отцом является К1. Она просит у него на аборт крупную сумму денег, которую К1 не спешит давать. Тогда К2 идет к отцу К1 и сообщает ему о беременности. Тогда отец К1 заявляет К1, что денег на аборт он не даст и молодым людям надо жениться.

К1: Если мой батя что решил, значит так оно и будет!

К2: Подожди, а что теперь делать?

К1: Я не знаю. Ты денег хотела? Вот щас их и получишь на свадьбу.

Пока!

К2: Андрей!

К1: Я буду хреновым мужем (говорит с нажимом и уходит).

Рассматриваемый РА угрозы «*Я буду хреновым мужем*» реализуется с целью предупредить о наказании за совершенное действие (попытка выпросить деньги у отца К1) с помощью КСКРА. Коммуниканты находятся в равном социальном положении. Данный РА угрозы реализуется за счет РА обещания. С точки зрения синтаксиса рассматриваемый пример представляет собой простую угрозу, то есть не содержит условия, так как в нем нет необходимости (нежелательное действие уже совершено). Приведенный РА угрозы содержит обещание абстрактного ущерба, так как мы не можем точно знать, что входит в понятие «хреновый муж». Также в данном примере значительную роль играет интонация, с которой произносится угроза,

указывающая на то, что К1 находится в ярости. Сложившаяся ситуация и отношение к ней со стороны К1 заставляет К2 действовать самостоятельно (она делает аборт за свои деньги в местной больнице).

Пример №3

К1 – мужчина за 40, азартен (но борется с этим), хорошо образован, бизнесмен, обладает хорошим вкусом, страдает невротами, поэтому требует тишины и спокойствия в доме.

К2 – мужчина за 40, безработный, безответственный, алкоголик, авантюрист.

В качестве пассивных наблюдателей присутствуют отец К2 и несколько студентов.

Ситуация общения: К1 и К2 с семьями живут в особняке, который по документам принадлежит обоим коммуникантам в равной мере. К2 сдает часть особняка студентам, которые устраивают вечеринки. К1 хочет это прекратить.

К1: Слушай, ты можешь их успокоить? Там не знаю, дать им зеркальце какое-нибудь, бусы, не знаю.

К2: В смысле?

К1: Ну, бабуинов своих. Они друг друга в бассейне кетчупом обливают.

К2: Семь раз сказал: «у себя сидите, никуда не выходите». Молодежь нынче неуправляемая.

К1: Так, короче, решай эту проблему, быстро!

К2: Твой бассейн, твоя и проблема.

К1: Ах моя? Ну вот сейчас полиция приедет и решим чья проблема. (уходит)

В данном примере РА угрозы «*Ну вот сейчас полиция приедет и решим чья проблема*» реализуется с целью сообщить о наказании за несовершенножное действие (К2 отказался успокаивать студентов, которым сдает часть особняка) и является КСКРА угрозы. К1 и К2 – друзья, находящиеся в равном положении. Данный РА угрозы реализуется за счет РА сообщения. В примере содержится глагольное сочетание со значением социальных отношений -

«полиция придет». С точки зрения синтаксиса рассматриваемый пример представляет собой простую угрозу, то есть не содержит условия, так как в нем нет необходимости (нежелательное действие уже совершено). Приведенный РА угрозы содержит обещание иного ущерба (скорее всего полицией будет выписан штраф или сделано замечание). Исходя из того, что К1 уходит сразу после произнесения угрозы, можно сказать, что РА угрозы является последним способом повлиять на К2.

Пример №5

К1 – старушка, около 70 лет, злая женщина, обиженная на весь мир, думает, что никому не нужна, привыкла всё делать сама, лежала в психиатрической больнице, жестокая.

К2 – мальчик, 9 лет, хронически болен (постоянно от чего-то лечится, большую часть времени простужен), в школу не ходит, живет с бабушкой (К1), так как она (К1) не отдаёт К2 матери.

Ситуация общения: К2 учится дома под присмотром бабушки (К1), которая не любит зачеркивания и каждую ошибку выскребает лезвием из тетради, чтобы последняя казалась чистой. К2 же, мало интересующийся учебой и ждущий прихода мамы вечером этого дня, часто ошибается.

К1: Какой подлец, а... – приговаривала бабушка, принимаясь выскребать букву «з», но почему-то в слове «паровоз». – Из-под палки учишься.

К2: Ты не там выскребаешь, – сказал я.

*К1: **Я тебя сейчас выскребу!** – крикнула бабушка и помахала бритвой у меня под носом. – Забил мозг, конечно, не там выскребаю!*

Она выскребла там, где надо, я исправил ошибку, и бабушка стала проверять дальше.

В данном примере РА угрозы «*Я тебя сейчас выскребу!*» реализуется с целью предупредить о наказании за совершенное действие (К2 указывает К1). В семейной иерархии К1 находится на позиции вышестоящего (непререкаемого авторитета). Данная ККРА угрозы реализуется за счет РА

обещания и не содержит условия. Учитывая невербальный компонент, который сопутствует РА угрозы («помахала бритвой у меня под носом» - демонстрация оружия), и глагол физического воздействия «выскребу», можно говорить о физическом ущербе в семантическом наполнении данной угрозы. Чтобы избежать дальнейших угроз и возможного ущерба, К2 дальше старается молчать, однако снова совершает ошибку, чем вызывает гнев К1.

2.2. Угрозы-предупреждения

В случаях, когда адресант хочет предотвратить нежелательное действие, реализуются угрозы-предупреждение. Среди собранного материала был выявлен 97 примеров РА угрозы и 4 РЖ угрозы данного типа. Рассмотрим некоторые из них.

Пример №1

К1 – новый преподаватель географии, мужчина около 40, мечтатель, меланхолик, алкоголик, не знает, как работать с детьми.

К2 – девятиклассники (около 15 лет), шумные, не признают авторитетов, трудные подростки, любят издеваться над учителями.

К3 – девятиклассник (около 15 лет), трудный подросток, самый задиристый в классе.

Ситуация общения: К1, будучи учителем, пытается устроить в классе переключку, однако девятиклассники откликаются все сразу, выкрикивают исковерканные варианты фамилий или не признаются, кто носит названное имя. В итоге К1 не выдерживает и муштрует класс, сажая и поднимая их по команде.

К1: Ладно, девятый "вэ", - сказал он. - Сейчас я прочитаю список класса, а вы меня поправляйте, если я буду неправильно произносить фамилии... Агафонов!

К2: Патефонов! Телефонов! Солдафонов! - поправляли Служкина.

К1: Градусов!

Девятый "В" взревел от восторга.

К3: Только вякните чего, уроды! - заорал рыжий и носатый, с хриплым голосом. Но за его спиной пацан уже разинул рот, и рыжий, развернувшись, врезал ему кулаком в бровь. Пацан повалился назад, руша собою и две парты с визжащими девицами.

Служкин грохнул журналом о стол:

К1: Встать всем!!!

В данном примере РА угрозы «Только вякните чего, уроды!» реализуется с целью предотвратить нежелательные для К3 шутки со стороны одноклассников (К2) на тему его фамилии. Угроза адресована одноклассникам, следовательно адресант и адресаты находятся в равном положении. Данный РА угрозы реализуется за счет РА предупреждения и является ККРА, содержащим условие («Только вякните чего»), но не содержащим указание на возможные последствия, в связи с чем мы можем говорить об абстрактном ущербе. Агрессивность РА усиливается за счет интонации произнесения РА («заорал») и включенного в РА оскорбления «уроды».

Пример №2

К1 – мужчина около 50, рабочий завода, алкоголик, отец К2.

К2 – молодой человек около 18 лет, играет в любительской хоккейной команде, живет с бабушкой, подрабатывает, сын К1.

Ситуация общения: К1 пришел в квартиру, в которой живут К2 и его бабушка, чтобы попросить денег. Пока К2 не было, он выпил четверть бутылки водки и расстроил бабушку. Когда К2 вернулся домой, сразу выгнал К1.

К1: Руку! Руку пусти! Больно же!

К2: Еще раз придешь бухой, всю лестницу лбом пересчитаешь
(захлопнул входную дверь)

К1: (кричит в закрытую дверь) Бутылку отдай! Отдай бутылку!

К2: А о ботинках даже не подумал? (выкинул ботинки К1 и снова захлопнул дверь)

В приведенном примере РА угрозы «*Еще раз придешь бухой, всю лестницу лбом пересчитаешь*» реализуется с целью предотвратить дальнейшее нежелательные появления К1 в квартире К2. С точки зрения традиционной семейной иерархии К1 находится в положении вышестоящего (отец). Данный РА угрозы реализуется за счет РА обещания и является ККРА. Рассматриваемый пример представляет собой сложную угрозу, содержащую условие «*Еще раз придешь бухой*». Приведенный РА угрозы содержит обещание физического ущерба. В данном примере используется иносказание «*всю лестницу лбом пересчитаешь*», что значит «я сброшу тебя с лестницы». Так как в дальнейшем К1 ещё не раз приходил к К2, можно сказать, что перлокутивный эффект не достигнут.

Пример №3

К1 – мужчина около 40, глуповат, второй тренер любительского хоккейного клуба.

К2 – молодой человек около 18, хоккеист, нерасторопный, невнимательный, наивный.

Присутствуют наблюдатели в лице остальных членов хоккейной команды.

Ситуация общения: К2 занимает позицию вратаря в любительской хоккейной команде. В интернете он прочитал, что, двигаясь вдоль ворот определенным образом, можно уменьшить количество попаданий в ворота. К1 этот способ не оценил.

К1: Бакин, ты где все это вычитал?

К2: В интернете.

К1: Значит так, Бакин. Или ты вырубай свой интернет, или ты пойдешь в бассейн плавать баттерфляем, ясно?

К2: Юрь Михалыч...

К1: Я ясно сказал?

К2: Ясно.

В данном примере РА угрозы, имеющий целью предотвратить дельнейшие нежелательные действия, реализуется в высказывании: *«Или ты вырубай свой интернет, или ты пойдешь в бассейн плавать баттерфляем, ясно?»*. К1 находится в положении вышестоящего (так как является тренером команды). ККРА угрозы реализуется за счет РА вопроса. С точки зрения синтаксиса рассматриваемый пример представляет собой сложную угрозу, содержащую условие (*«Или ты вырубай свой интернет»*). В структуре угрозы содержится глагол социальных отношений, выражающийся в сочетании *«или ты пойдешь в бассейн плавать баттерфляем»*. Данный РА угрозы содержит обещание иного ущерба (К2 выгонят из команды). В приведенном примере также есть прием косвенного построения – намёк, выраженный в синтагме *«ты пойдешь в бассейн плавать баттерфляем»* и означающий *«тебя исключат из хоккейной команды»*. Бассейн как «место ссылки» в данном случае используются в связи с тем, что во дворце спорта, в котором проводятся тренировки хоккеистов, есть бассейн.

Пример №4

К1 – женщина за 40, бизнес-леди, глава семьи.

К2 – мужчина за 50, житель деревни, оптимист, пытается решить все возникающие проблемы, даже если они непосредственно к нему не относятся (не всегда получается), безработный.

К3 – мужчина за 50, житель деревни, алкоголик, безработный.

Присутствуют три наблюдателя – жена К2, сваты К2.

Ситуация общения: К2 и К3 – давние друзья. К1 и К2 – соседи, находящиеся в конфликтной ситуации. К1 просит К3 войти в доверие К2, чтобы знать о ее действиях. Для этого К3 выдает себя за капитана дальнего плавания. Между К2 и К3 завязывается роман. К3 заявляет К1, что его побили из-за К2. К1 решает разобраться со сложившейся ситуацией.

К1: Вы ж его от пьяных спасали, а он с вами по-свински!

К2: Кто спасал? Митяй шо ль?

К1: И не тыкайте Дмитрию Александровичу. Он с вами гусей не пас.

К2: ПАС! Еще как пас! И кизяк на хату носил.

К1: Ой, да шо ты несешь, а? Дмитрий Александрович уважаемый человек, капитан третьего ранга!

К2: Слышишь ты, капитан, а ну угомони свою защитницу, а то ж я не сдержусь.

К3: Ты давай, не груби женщине.

К2: ШО!?

(наблюдатели уводят К2 в дом).

В данном примере ККРА угрозы «Слышишь ты, капитан, а ну угомони свою защитницу, а то ж я не сдержусь» реализуется с целью предотвратить дальнейшее нежелательное общение с К1. Все коммуниканты находятся в равном положении. Приведенный РА является полиинтенциональным, поскольку реализуется за счет приема двойной адресации: РА требования (адресат К3) и предупреждения (адресат К1). С точки зрения синтаксиса рассматриваемый пример представляет собой сложную угрозу, содержащую условие (ср.: *если ты не угомонишься, я не сдержусь*). Данный РА угрозы содержит обещание абстрактного ущерба (точно невозможно сказать, какой ущерб будет нанесен). Как можно заметить из окончания диалога, желаемый перлокутивный эффект не достигнут.

2.3. Угрозы-понуждения

Угрозы-понуждения используются, когда адресанту необходимо, чтобы адресат выполнил действие, которое выполнят не хочет, однако его выполнение необходимо угрожающему. Нами было выявлено 84 примера, содержащих РА угрозы данного типа. Рассмотрим некоторые из них.

Пример №1

К1 – старушка, около 70 лет, очень злая женщина, обиженная на весь мир, привыкла всё делать сама, лежала в психиатрической больнице, жестокая.

К2 – мальчик, 9 лет, хронически болен (постоянно лечится, большую часть времени простужен), в школу не ходит, живет с бабушкой (К1), так как она не отдаёт К2 матери.

Ситуация общения: К2 учится дома под присмотром бабушки, которая не любит зачеркивания и каждую ошибку выскребает лезвием из тетради. К2, не расположенный к учебе и ждущий прихода мамы вечером этого дня, часто ошибается.

К1: Что, ошибку сделал? – спросила бабушка, грозно откладывая в сторону «Науку и жизнь».

К2: Да, посмотри там... – ответил я, не оборачиваясь. Чтобы не быть зажатым в угол, мне нужно было скорее добраться до дедушкиной комнаты, где в центре стоял большой стол. Бегая вокруг него, я мог держать бабушку на расстоянии.

К1: «Румяняняной»! Сволочь! – послышалось у меня за спиной, но я уже достиг стола и приготовился. Когда бабушка появилась на пороге дедушкиной комнаты, я был как спринтер на старте.

К1: Бля-я-дю-ю-га-а! – раздалось вместо стартового выстрела.

Бабушка рванулась ко мне. Я от нее. Карусель вокруг стола началась. Мимо меня неслись буфет, сервант, диван, телевизор, дверь, и снова буфет, и снова сервант, а сзади слышалось злое дыхание бабушки и угрозы в мой адрес.

*К1: Иди сюда, сволочь! – грозила она. – **Иди, хуже будет. Иди, или я тебя бритвой на куски порежу...** Иди сюда, не будь трусом. Стой, я тебе ничего не сделаю. Стой. Иди сюда, Сашуня, я тебе дам шоколадку. Знаешь какую? Вот такую...*

В данном примере угроза реализуется с помощью двух РА «*Иди, хуже будет. Иди, или я тебя бритвой на куски порежу...*». Оба они использованы с целью заставить адресата совершить определенные действия (подойти). К1 находится в семейной иерархии в положении вышестоящего. Оба РА угрозы реализуются за счет РА требования и предупреждения, то есть они являются полиинтенциональными. Во втором РА содержится сочетание со значением физического воздействия «*на куски порежу*». С точки зрения синтаксиса оба РА представляют собой сложные угрозы, содержащие условие. В данном

случае первый РА является КСКРА и несет обещание абстрактного ущерба («хуже будет»), а второй РА уточняет, что ущерб будет физическим («я тебя бритвой на куски порезу») и является ККРА. Сразу за угрозами следуют попытки подкупа, что говорит о безуспешности угрозы.

Пример №2

К1 – молодой человек около 18, хоккеист, нерасторопный, невнимательный, наивный.

К2 – руководитель Дворца спорта, около 50, коррупционер.

Ситуация общения: из-за постоянных хоккейных тренировок становится хуже успеваемость К1 в школе, в связи с чем родители К1 ставят условие: или К1 учится лучше, или покидает хоккейную команду. Чтобы решить эту ситуацию К2 звонит директору школы, которого просит поговорить с учителем химии. Проблема с химией у К1 решается, но К2 просит услугу за услугу.

К1: Вы предлагаете, чтобы я команду всю подставил?

*К2: Не ну ты точно тупой. Значит объясняю для тех, кто на бронепоезде: мы уже в плей-офф, ты никого не подставляешь, просто хорошие люди попросили меня им помочь, а я прошу тебя, ясно? Да может и делать ничего не придется, может они нас и так раскатают. Но... вдруг. Шайбу, другую можно и не заметить. Да, Семён? (тишина в ответ) **Всё ясно, добром за добро у нас платить не умеют. Как ты говоришь фамилия директора?***

К1: Не надо.

К2: Что?

К1: Не надо, говорю.

К2: Что не надо?

К1: Звонить не надо.

В данном примере РА угрозы реализуется в двух РА «*Всё ясно, добром за добро у нас платить не умеют. Как ты говоришь фамилия директора?*» с целью заставить адресата совершить определенное действие (согласиться на

предложение К2). К2 находится в позиции вышестоящего. Приведенный РА угрозы реализуется за счет РА сообщения («*Всё ясно, добром за добро у нас платить не умеют.*»), являющегося КСКРА, и РА риторического вопроса («*Как ты говоришь фамилия директора?*»), также являющегося КСКРА и содержащего намёк. С точки зрения синтаксиса оба РА представляют собой простые угрозы, то есть не содержат условия, однако из контекста выводится импликатура: «если ты не согласишься, то...». Приведенный РА угрозы содержит обещание иного ущерба: если К1 не согласится, ему придется уйти из команды. Угроза в данном случае достигла желаемого перлокутивного эффекта.

Пример №3

К1 – мужчина за 50, житель деревни, простой, оптимист, пытается решить все возникающие проблемы, даже если они непосредственно к нему не относятся (не всегда получается), безработный.

К2 – женщина за 50, жительница деревни, работает на заводе по изготовлению хлеба, ведет домашнее хозяйство.

Ситуация общения: К1 возвращается пьяный домой поздно ночью.

К1: А шо это у нас за напряжение в воздухе?

К2: Я с халдырями не разговариваю.

К1: Ну почему сразу халдырь? Я же пришел, сам, не поздно. У меня часы биологические.

К2: А ну, быстро у койку, пока я тебе маятник на твоих часах не отломала!

К1 (иронизируя): Ой, как страшно, ой, как нам страшно (ложится в кровать).

В данном примере РА угрозы «*А ну быстро у койку, пока я тебе маятник на твоих часах не отломала!*» реализуется с целью заставить адресата совершить определенное действие (лечь спать). К1 и К2 – супруги, находящиеся в равном социальном положении. Приведенный РА угрозы является КСКРА и реализуется за счет РА приказа, содержащего иносказание

(«маятник на твоих часах»). Также в приведенном РА угрозы содержится глагол физического воздействия – «отломала». Рассматриваемый РА угрозы представляет собой сложную угрозу, содержащую условие. Невыполнение требования грозит физическим ущербом. Исходя из невербальной реакции К1 (совершение им желательного для К2 действия), можно сказать, что РА угрозы достиг необходимого перлокутивного эффекта, но, вероятно, так как К1 не хотел показать этого, вербально он использует ироничный РА.

Пример №4

К1 – контроллер пригородной электрички.

К2 – мужчина около 40, меланхолик, алкоголик, мечтатель.

Ситуация общения: в электричке перед конечной станцией контроллеры проверяют билеты. К2 всю дорогу рассматривает пейзаж за окном и билета при себе не имеет. Когда к нему подходит К1, К2 делает вид, что он глухонемой, чтобы не платить штраф. В итоге К1 отстает от К2.

К1: Ваш билетик, молодой человек, - сказал контролер, нервно пощелкивая никелированными челюстями.

Молодой человек даже не оглянулся.

К1: Эй, парень, - переставая щелкать, окликнул контролер.

Обе бабки с ужасом уставились на гордого безбилетника.

*К1: **Парень, не слышишь, да?** - с угрозой спросил контролер.*

Два пленных козлица за спиной контролера злорадно взирали на молодого человека, не отрывавшегося от созерцания товарных вагонов на дальнем пути.

В данном примере РА угрозы «**Парень, не слышишь, да?**» реализуется с целью заставить адресата совершить определенное действие (обратить внимание на контролёра). К1 в данной ситуации находится в положении вышестоящего. Приведенный РА угрозы реализуется в форме КСКРА за счет РА риторического вопроса. С точки зрения синтаксиса рассматриваемый РА угрозы представляет собой простую угрозу, в которой подразумевается условие (например: «если вы не ответите»), но сама угроза выводится из

ситуации и интонации угрожающего («с угрозой спросил»). Приведенный РА угрозы содержит обещание абстрактного ущерба (вероятнее всего – штраф).

2.4. Речевые реализации интенции угрозы в поликодовой коммуникации

2.4.1. Речевые акты угрозы в поликодовых текстах с взаимозависимой корреляцией вербальной и визуальной составляющих

К поликодовым текстам с взаимозависимой корреляцией компонентов относятся такие тексты, которые воспринимаются как угроза только при наличии всех составляющих (рис. 2, рис. 3, рис. 4).

Рис.2. <https://fotostrana.ru/steep-beyba-1993/album/86836379/photos/>

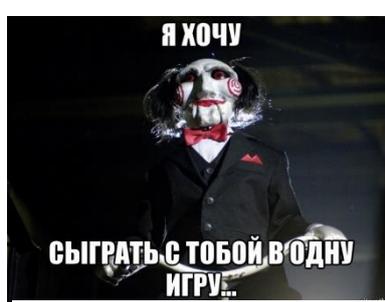

Рис.3. <http://risovach.ru/kartinka/1824157>

Рис.4. <https://www.meme-arsenal.com/create/template/981917?page=1>

Вербальные составляющие на представленных поликодовых текстах реализуются в форме КСКРА за счет РА предупреждения «Предать – прощу, но в голову» (рис. 2), РА сообщения «Я хочу сыграть с тобой в одну игру...» (рис. 3) и РА предостережения «щас ты досмеёшься...» (рис. 4).

В первом случае сочетание изображения оружия, направленного на адресата угрозы, с уточнением «но в голову» стирает семантику прощения, преобразуя данный поликодовый текст в угрозу-предупреждение. Условие выражается с помощью намёка (ср. «если ты меня предашь, я тебя убью»).

Второй РА представляет собой простую угрозу-наказание в сочетании с изображением маньяка-убийцы из фильма «Пила» (реж. Джеймс Ван), который похищал людей и заставлял их выполнять задания. Невыполнение задания грозило смертью.

Следующий поликодовый текст обладает интенцией угрозы, поскольку в нём РА сочетается с изображением писателя из фильма «Сияние» (реж. Стэнли Кубрик), который сошел с ума и пытался убить свою семью при

помощи топора, то есть, обладая необходимыми пресуппозициями, мы можем вывести импликацию «если ты не перестанешь, я убью тебя». Угроза в данном случае передается за счет враждебного намёка, не содержащего условие.

Данные поликодовые тексты могут использоваться в коммуникации равностоящих. Невербальные составляющие указывают на нанесение физического ущерба: на первом изображении на физический ущерб указывает пистолет, направленный на адресата, на втором – отсылка к фильму, где маньяк убивал жертв или заставлял их убивать друг друга, на третьем – отсылка к фильму, где оружием был топор.

2.4.2. Речевые акты угрозы в поликодовых текстах с доминированием невербальной составляющей

Поликодовые тексты с невербально-доминирующей корреляцией – это такие поликодовые тексты, в которых основной смысл несёт невербальный компонент (в нашем случае – изображение). К ним относятся рис. 5, рис. 6, рис. 7.

Рис.5. <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/4741295>

Рис.6. <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/4737509>

Рис.7. <http://risovach.ru/kartinka/5686605>

Вербальный компонент в данных примерах является КСКРА, которые реализуются за счет РА приказа/требования «МОЛИСЬ» (рис. 5), РА требования «ЗАМОЛЧИ» (рис. 6), РА требования «ИДИ СЮДА» (рис. 7).

Первый поликодовый текст является угрозой-наказанием, интенция которого декодируется за счет изображения: мужчина (Джеймс Хэтфилд – участник группы Metallica) держит предмет, похожий на помповое ружье, а его лицо выражает ярость (лицо нахмурено, рот раскрыт, брови сдвинуты).

Поликодовый текст, представленный на рис. 6, является угрозой-предупреждением. Интенция угрозы декодируется за счет сочетания РА «ЗАМОЛЧИ» и изображения, на котором у персонажа напряжено и нахмурено лицо, раскрыт рот, зубы плотно сомкнуты, глаза широко открыты и покраснели, руки напряжены и тянутся к адресату, из чего выводится импликатура «если не замолчишь, я тебя задушу». Вербальный компонент представляет собой имплицитное условие, невыполнение которого влечет определенные последствия (физический ущерб).

РА требования, представленный на третьем поликодовом тексте, прочитывается как угроза-понуждение за счет его сочетания с изображением, на котором мужчина с агрессивной мимикой грозит кулаком. Условие также содержится имплицитно (ср.: «если ты не подойдешь, то...»).

Данные угрозы могут быть реализованы в коммуникации равностоящих и предупреждают о возможном физическом ущербе (за счет оружия на первых двух изображениях и кулака на третьем).

2.4.3. Речевые акты угрозы в поликодовых текстах с доминированием вербальной составляющей

К поликодовым текстам с доминирующим вербальным компонентом относятся тексты, в которых основной смысл несет вербальная составляющая, которая является самостоятельной. Невербальный компонент факультативен, он дополняет, усиливает, иллюстрирует вербальный (рис. 8, рис. 9, рис. 10, поликодовые тексты с аналогичным типом корреляции представлены в приложении 2, рис. 19 – рис. 30).

Рис.8. <https://fishki.net/mix/2517335-.html>

Рис.9. <http://risovach.ru/kartinka/10364140>

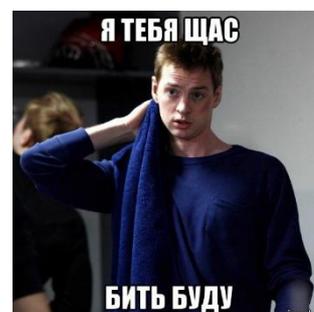

Рис.10. <http://risovach.ru/kartinka/9481890>

КСКРА угрозы в форме РА предупреждения «*Дорогой, еще одно твое слово и я – вдова!*» является угрозой-предупреждением, содержащей иносказание, импликатура которого («*я тебя убью*») выводится на основе лексического значения слова «вдова» (женщина, у которой умер муж). В данном случае изображение иллюстрирует семейную ссору, в ходе которой недовольная жена может произнести подобный РА. Приведенная угроза является сложной, то есть содержит условие.

Следующий поликодовый текст является ККРА угрозы-наказания, реализующейся за счет двух РА предупреждения «*Я тебя взломаю ВКонтакте! И вычислю твой IP!*», не содержит условия. Угрожающий – инфернальный персонаж русского Интернет-пространства, Омская птица (Крылатый рок).

В третьем поликодовом тексте сочетается ККРА угроза в форме РА сообщения и стоп-кадр из сериала «Молодёжка», на котором мы видим капитана любительского хоккейного клуба с раной на лице. Данная угроза может использоваться в качестве угрозы-наказания или угрозы-предупреждения, не содержит условия. В лексическом наполнении угрозы есть глагол физического воздействия «*бить*».

Три приведённые угрозы могут быть использованы в коммуникации равностоящих. Последствиями угроз на рис. 8 и рис. 10 будет физический ущерб (на рис. 8 данный ущерб связан со словом «вдова», на рис. 10 – со словом «бить»), на рис. 9 – абстрактный ущерб.

2.4.4. Речевые акты угрозы в поликодовых текстах с взаимодополняющей корреляцией вербальной и визуальной составляющих

В поликодовых текстах со взаимодополняющей корреляцией вербальной и визуальной компоненты являются относительно самостоятельными, а их взаимодействие усиливает общее значение угрозы (рис. 11, рис. 12, рис. 13, поликодовые тексты с аналогичным типом корреляции представлены в приложении 2, рис. 31 – рис. 34).

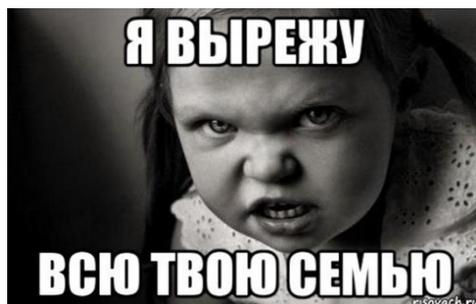

Рис.11. <http://risovach.ru/kartinka/2419377>

Рис.12. <https://sun9-12.userapi.com/c849028/v849028660/1672d8/mtY6nDo7B9g.jpg>

Рис.13. <https://twitter.com/holycatcom/status/1252690180923887616>

В трех представленных поликодовых текстах интенция угрозы выражается, с одной стороны, с помощью ККРА угрозы в форме РА обещания «Я вырежу всю твою семью», КСКРА угрозы в форме РА обещания «Я тебя в такой пазл нарежу, что ни один травматолог не соберет» и КСКРА угрозы в форме РА предупреждения «Я тебе сердце выжгу», а с другой стороны за счет невербальных компонентов в изображении угрожающих: в первом случае – ребёнок со злым взглядом исподлобья, нахмуренным лицом, открытым ртом, наклоненный в сторону адресата; во втором – угрожающим является доктор Быков из сериала «Интерны», его лицо напряжено и покраснело, брови подняты вверх, рот широко открыт, лоб наморщен, на шее вздулась вена, он также наклонен в сторону адресата; на третьем изображении адресант угрозы Дж. Мориарти из английского сериала «Шерлок», его рот также широко раскрыт, лицо нахмурено и напряжено.

Вербальные компоненты данных угроз содержат глаголы физического воздействия «вырежу», «нарежу», «выжгу». Данные угрозы являются простыми (не содержат условия), последствиями которых будет физический

ущерб. Также они могут использоваться в качестве любого типа угрозы (наказания, предупреждения, понуждения).

2.4.5. Транспонированные речевые акты угрозы в поликодовых текстах с оппозиционной корреляцией вербальной и визуальной составляющих

В поликодовых текстах с оппозиционной корреляцией между вербальной и визуальной составляющей возникает противоречие, вследствие чего возникает комический эффект, то есть мы можем говорить о транспонированных угрозах (рис. 14, рис. 15, рис. 16, поликодовые тексты с аналогичным типом корреляции также представлены в приложении 2, рис. 35 – рис. 62).

Рис.14. <http://memesmix.net/meme/vf5kly>

Рис.15. https://fffuuu.net/Records/View/fraer__ya_tebya_zapomnil

Рис.16. <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/4727584>

Комический эффект в первом поликодовом тексте может создаваться за счет несоответствия визуальной составляющей вербальной. Так в первом поликодовом тексте угрожающим является плюшевый цыплёнок с пластмассовым ножиком, который использует КСКРА угрозы в форме РА приказа «Угмонись Чорт». Комический эффект в данном случае усиливается за счет использования олбаноского языка («Чорт»). Рассматриваемая шутивная угроза содержит условие и является шутивной угрозой-предупреждением.

Также комический эффект может возникать в тех случаях, когда угрожающий демонстрирует поведение, которого от него не ожидают. Так на втором поликодовом мы видим мальчика в белой рубашке и бабочке, который

использует жаргонное обращение «фраер», характерное для речи преступников. Шутливый ККРА угрозы в форме РА сообщения «*Фраер, я тебя запомнил*» является имитацией угрозы-наказания и не содержит условия.

Комический эффект может быть связан с оппозицией «история – современность». На третьем поликодовом тексте мы видим Зевса-громовержца (главное божество древнегреческого пантеона), сидящего на троне с суровым лицом и молнией в руке. Однако во времена, когда Зевс считался реальным лицом, фейерверков в Греции не было, поэтому шутливый КСКРА угрозы в форме РА сообщения «*Я из тебя сейчас феерверк сделаю*» относится к нашему времени. Данная шутливая угроза не содержит условия и может использоваться как имитация любого типа угрозы (наказания, предупреждения, понуждения).

В первом и третьем случае можно говорить о физическом ущербе (поскольку у цыпленка в руках маленький ножик, а молнии Зевса использовались в битвах), во втором – об абстрактном ущербе.

2.5. Комбинаторика речевых реализаций интенции угрозы в повседневной коммуникации

В обиходной коммуникации мы можем наблюдать комбинаторику всех описанных выше типов коммуникации. Также иногда угрозы выражаются не с помощью РА, а с помощью речевых жанров (далее РЖ). Рассмотрим некоторые примеры.

Пример №1

К1 – старушка, около 70 лет, очень злая женщина, обиженная на весь мир, привыкла всё делать сама, лежала в психиатрической больнице, жестокая.

К2 – мальчик, 9 лет, хронически болен (постоянно лечится, большую часть времени), в школу не ходит, живет с бабушкой (К1), так как она не отдаёт К2 матери.

К3 – друг К2, соседский мальчик, 9 лет, активный.

Ситуация общения: К1, К2 и К3 живут в доме, рядом с МАДИ, где сейчас идёт стройка. К2 и К3 любят играть на этой стройке. К2 нельзя потеть, так как

он после этого простужается. Когда К1 зовёт К2 принимать лекарства, он должен сразу прийти, но в этот раз, чтобы быстро прийти к К1, К2 приходится бежать, из-за чего он вспотел.

К1: О-ой! – протянула она, беря рубашку. – Вся мокрая! Вся насквозь! Завернись в одеяло, сейчас разотру. Где ты был? Отвечай!

К2: Мы с Борей в МАДИ ходили, – пролепетал я.

К1: В МАДИ! Ах ты мразь! Я тебе сколько говорила, чтоб ноги твоей там не было?! Этого Борьку об дорогу не расшибешь, он пусть хоть селится там, а ты, тварь гнилая, ты что там делал? Опять гайки подбирал? Чтоб тебе все эти гайки в зад напихали. Ну ничего...

«Ну ничего», как всегда, не предвещало ничего хорошего.

К1: Слушай меня внимательно. Если ты еще раз пойдешь в МАДИ, я пошлю туда дедушку, а он уважаемый человек, твой дедушка. Он пойдет, даст сторожу десять рублей и скажет: «Увидите здесь мальчика, высохшего такого, в красной шапочке и в сером пальто... убейте его. Вырвите ему руки, ноги, а в зад напихайте гаек». Твоего дедушку уважают, и сторож сделает это. Сделает, понятно?!

Я все понял.

На следующий день, отправляя меня гулять, бабушка приколотла английскими булавками к изнанке моей рубашки два носовых платка. Один на грудь, другой на спину.

К1: Если вспотеешь опять, рубашка сухая останется, а платки я раз – и выну, – объяснила она. – Выну и удавлю ими, если вспотеешь. Понял?

К2: Понял.

*К1: И еще. Помнишь, что я тебе про МАДИ сказала? **Пойдешь туда опять с этим Борькой – пеняй на себя.** Если позовет, откажись. Прояви характер, скажи твердо: «Мне бабушка запретила!» Слабохарактерные кончают жизнь в тюрьме, запомни это и ему передай. Запомнил?*

К2: Запомнил.

К1: Ну иди.

Не расшибаемый об дорогу Борька ждал меня около подъезда.

К3: Пошли, – сказал он.

К2: Куда?

К3: В МАДИ.

К2: Пошли.

К1: Боря, вы куда?! – послышался вдруг голос выглянувшей на балкон бабушки.

К3: В беседку! – ответил Борька.

К1: Боренька, не веди его в МАДИ, ладно? У меня есть справка от врача, что я психически больна. Я могу убить, и мне за это ничего не будет. Ты, если в МАДИ пойдете, имей это в виду, хорошо?

К3: Ага... – ответил Борька.

<...>

Перед огромными железными воротами, на ржавчине которых белой масляной краской были намалеваны четыре заветные буквы «МАДИ», я замер. «Он уважаемый человек, твой дедушка... Он пойдет...» – зазвучал у меня в ушах голос бабушки.

К2: Знаешь, давай лучше в детский сад, – предложил я Борьке.

В приведенном полилоге содержится 2 РА угрозы и 2 РЖ угрозы. Рассмотрим данные примеры.

К1 находится в положении вышестоящего.

«Выну и удавлю ими, если вспотеешь» - угроза-предупреждение, реализуемая с целью предотвратить нежелательное действие (К2 не должен вспотеть). Данный ККРА угрозы выражается за счет РА сообщения. Данный РА представляет собой сложную угрозу, так как имеет условие «если вспотеешь». Последствием невыполнения условия будет физический ущерб.

Следующий ККРА угрозы «Пойдешь туда опять с этим Борькой – пеняй на себя» выражается за счет РА предупреждения, содержит условие «Пойдешь туда опять с этим Борькой» и обещание абстрактного ущерба.

Первый РЖ угрозы *«Если ты еще раз пойдешь в МАДИ, я пошлю туда дедушку, а он уважаемый человек, твой дедушка. Он пойдет, даст сторожу десять рублей и скажет: «Увидите здесь мальчика, высохшего такого, в красной шапочке и в сером пальто... убейте его. Вырвите ему руки, ноги, а в зад напихайте гаек».* Твоего дедушку уважают, и сторож сделает это. Сделает, понятно?!» представляет собой угрозу-предупреждение. Первый РА сочетает интенцию обещания и сообщения, то есть является полиинтенциональным; второй – интенцию сообщения и просьбы (также полиинтенциональный); третий выражается за счет РА сообщения; четвертый – за счет РА обещания. Условие содержится в первом РА (*«Если ты еще раз пойдешь в МАДИ»*). Во втором РА содержатся глаголы физического воздействия *«убейте», «вырвите», «напихайте гайки»*. Последствием невыполнения условия будет физический ущерб (угроза жизни).

Последний РЖ угрозы также является угрозой-предупреждением *«У меня есть справка от врача, что я психически больна. Я могу убить, и мне за это ничего не будет. Ты, если в МАДИ пойдете, имей это в виду, хорошо?»*. Данное высказывание состоит из трех РА: два РА сообщения и РА вопроса. Невыполнение условия (которое выводится из контекста) грозит физическим ущербом (угроза жизни) и второй РА содержит глагольное сочетание физического воздействия *«могу убить»*. Угроза строится с помощью враждебного намёка.

Пример №2

К1 – мужчина около 40, глуповат, второй тренер любительского хоккейного клуба.

К2 – молодой человек, около 18 лет, игрок любительского хоккейного клуба, вспыльчивый, очень любит свою мать.

Ситуация общения: К2 пытается заставить К1 покинуть команду, для этого он выставляет К1 вратарем. У К1 и К2 до этого был конфликт, в ходе которого К2 ударил К1 клюшкой по голове (на этот конфликт и ссылается К2).

К1: Ты сам-то понял, что сказал?

К2: Главное, что вы поняли.

К1: (Хватает К2 за ворот)

К2: (Ключкой отталкивает от себя К1). Что, знакомая ситуация?

(с иронией)

К1: Надо было тебя в ментуру сдать. Ты ж уголовник.

К2: Ваших отпечатков там не осталось? Или в перчатках работали?

К1: Ну все, ты попал. Ты за все ответишь.

К1 находится в положении вышестоящего.

В данном примере присутствуют три РА угрозы.

Первый РА угрозы – «*(Ключкой отталкивает от себя К1). Что, знакомая ситуация? (с иронией)*» - является КСКРА угрозы-предупреждения, реализуемым за счет РА риторического вопроса и невербального компонента – жеста с демонстрацией оружия. Ироническая тональность угрозы в сочетании с жестом представляет собой намёк на прецедент, в связи с чем мы понимаем, что в случае невыполнения условия, выводящегося из контекста, адресат угрозы получит физический ущерб (удар ключкой).

Следующая угроза-наказание выражается за счет двух РА: «*Ну все, ты попал. Ты за все ответишь*». ККРА угрозы реализуется за счет РА сообщения и РА обещания. Рассматриваемый пример представляет собой простую угрозу, так как в условии нет необходимости (нежелательное действие уже совершено), и обещает абстрактный ущерб.

Пример №3

К1 и К2 - одноклассники, около 17 лет.

Ситуация: в общей беседе класса участники пересылают друг другу фотографии из поездки и дразнят друг друга.

К1: (отправляет фотографию, на которой К2 выглядит глупо) По моему надо вызывать экзорцистов

К1: (отправляет еще одну фотографию, на которой К2 выглядит глупо) вот тут точно

К2: РОМА

К2: Я УБЬЮ ТЕБЯ 😂😂😂😂

К1: ойййй

К1: Все же свои, Даш 😂😂😂

К2: **Тебе хана** ❤️ Рис.17.
[https://vk.com/im?pee
rs=160797760_c11](https://vk.com/im?pee
rs=160797760_c11)

К1: всё-всё больше не буду 😂😂😂

В данном примере используются два шуточных РА угрозы-наказания. В первом случае шуточный ККРА угрозы реализуется за счёт РА обещания «Я УБЬЮ ТЕБЯ». Комический эффект создается за счет эмодзи (смеющиеся до слёз лица), которые следуют за РА. Во втором случае шуточная угроза реализуется за счёт поликодового текста с оппозиционной корреляцией вербального и визуального компонентов: ККРА угрозы «Тебе хана» сочетается с эмодзи с двумя сердечками (символ любви) и милым, радостным нарисованным персонажем. Оба шуточных РА угрозы не содержат условие и несут обещание физического ущерба. В первом РА содержится глагол физического воздействия «УБЬЮ».

Пример №4

К1 и К2 – парень и девушка, около 25, живут вместе.

Ситуация: К2 часто ездит отдыхать с друзьями, что раздражает К1.

К1: Ты где?

К2: Мы засиделись. Вернусь утром

К1: **Не вернешься к 12, будешь собирать свои монетки по всему району**

К2: Да ладно тебе

К2: Я же вернусь

К1:

Рис.18. <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/4729458>

К2: Понял понял, еду

В приведенном диалоге реализуются две угрозы-понуждения: ККРА угрозы в форме РА предупреждения «*Не вернешься к 12 будешь собирать свои монетки по всему району*» и поликодовый текст с взаимодополняющей корреляцией вербальной и визуальной составляющих. Невыполнение поставленного условия грозит материальным ущербом. Первый ККРА содержит намёк, импликатура: «*я выброшу твои вещи*». Вербальный компонент в поликодовом тексте реализуется с помощью простого (без условия) КСКРА угрозы «*Выкинуть твои вещи*», содержащего глагол физического воздействия «*Выкинуть*». Поликодовый текст содержит намек на возможную измену К1 (рядом с ним другая девушка), а также скрытую угрозу разрыва отношений (молодой человек смотрит вслед гордо уходящей девушке, с которой К1, видимо, себя соотносит).

Выводы по второй главе

В данной главе был проведен анализ собранного материала. Было просмотрено 253 РА угрозы, среди которых выявлены и описаны примеры с угрозой-наказанием, угрозой-предупреждением, с угрозой-понуждением и угрозы в поликодовой коммуникации.

Большая часть угроз возникала в коммуникации равностоящих коммуникантов. РА угрозы с симметричными позициями говорящих, как правило, исходят от супругов, друзей и знакомых. Вышестоящие адресанты угрозы – старшие члены семьи, начальники и старшие по возрасту. Нижестоящими угрожающими являются, как правило, дети или подростки, которые что-то хотят от взрослых.

Чаще всего угрозы не содержат глаголов или эти глаголы имеют абстрактную семантику (например, «нарываться»), представлены глаголы с семантикой физического действия на объект, отмечены также глаголы и глагольные сочетания социальных отношений.

Выявлено практически равное количество угроз с условием и без условия, однако простых угроз все-таки больше, что может говорить нам о том, что в большинстве случаев коммуниканты выводят условие из ситуации.

В рассмотренных примерах угрозы реализуются за счет РА обещания, РА предупреждения, РА вопроса, чаще всего риторического, РА сообщения, РА предостережения, РА напоминания, РА предложения, РА раздумья, РА приказа, РА просьбы, РА требования, РА совета.

В большинстве случаев формой реализации угрозы выступают ККРА, строящиеся по существующим в языке моделям, менее частотны КСКРА. Это связано с тем, что интенция угрозы должна быть однозначно декодирована коммуникантом, в чей адрес она направлена.

С точки зрения семантики рассмотренные примеры содержали угрозы физическому здоровью и жизни; угрозы абстрактные ущерба, угрозы иного ущерба, угрозы психическому здоровью, шантаж, угрозы социальному статусу, угрозы материального ущерба.

Среди приемов косвенного построения угрозы наиболее распространенным является риторический вопрос. Второй по частотности прием – враждебный намёк. Далее – приемы косвенной адресации, умолчания и иносказания.

В поликодовой коммуникации самыми частотными являются мемы и демотиваторы с оппозиционной корреляцией вербального и визуального компонентов; далее расположены поликодовые тексты с доминированием вербальной составляющей угрозы, поликодовые тексты с взаимодополняющей корреляцией вербального и визуального компонентов, наименее частотны поликодовые тексты с взаимозависимой корреляцией

вербального и визуального компонентов и поликодовые тексты с доминирующим невербальным компонентом.

Также стоит отметить, что в повседневной коммуникации активно представлена комбинаторика РА угрозы. С целью воздействия на адресата говорящий может употреблять несколько речевых реализаций, объединенных макроинтенцией угрозы. Среди комбинируемых элементов могут встречаться как монокодовые, так и поликодовые тексты, однако, в случае с угрозами в поликодовой коммуникации, стоит отметить, что их использование наиболее характерно для молодежной среды и коммуникации равностоящих.

Возможны разные реакции адресата на угрозу: он может выполнить условие, чтобы избежать негативных последствий, при этом вербально продолжая оказывать сопротивление; угроза может не подействовать на адресата, при этом он может либо избегать дальнейшего контакта с угрожающим (реакция «беги»), либо реагировать агрессивно, стараясь выйти из ситуации победителем (реакция «бей»). Коммуниканты могут также обмениваться РА угрозы (угроза адресата является ответной репликой на угрозу адресанта, при этом ни один из коммуникантов не желает находится в позиции нижестоящего), между ними возникает конфликт.

Заключение

В данной работе были описаны РА угрозы в повседневной коммуникации (русскоязычное общение).

В первой главе мы дали дефиниции необходимых понятий, рассмотрели существующие классификации РА, содержащих интенцию угрозы, и создали свою классификацию речевых реализаций интенции угрозы на основе уже существующих:

1. Количество взаимодействующих кодов:
 - 1.1. Вербальные угрозы;
 - 1.2. Угрозы, реализованные с помощью поликодовых текстов:
 - 1.2.1. Поликодовые тексты с вербально-доминирующей корреляцией;
 - 1.2.2. Поликодовые тексты с невербально-доминирующей корреляцией;
 - 1.2.3. Поликодовые тексты со взаимозависимой корреляцией вербального и визуального компонентов;
 - 1.2.4. Поликодовые тексты с оппозиционной корреляцией вербального и визуального компонентов;
 - 1.2.5. Поликодовые тексты с взаимодополняющей корреляцией вербального и визуального компонентов;
2. Цель угрозы (по А.Н. Баранову):
 - 2.1. Угрозы-наказания;
 - 2.2. Угрозы-предупреждение;
 - 2.3. Угрозы-понуждения;
3. Позиции коммуникантов в предстоящем диалоге:
 - 3.1. Симметричные (равностоящие);
 - 3.2. Несимметричные:
 - 3.2.1. Вышестоящий/ нижестоящий;
 - 3.2.2. Нижестоящий/ вышестоящий;
4. Языковые и речевые средства и способы, используемые для реализации цели:

- 4.1. Наличие глаголов физического воздействия (нанесение удара, удаление объекта, повреждение объекта, отрицательное воздействие на объект) и глаголов социальных отношений (глаголы принуждения и влияния);
- 4.2. Угрозы с условием или без условия;
- 4.3. РА, за счет которых выражается угроза (сообщение, совет, обещание, напоминание, предсказание, опасение и др.);
- 4.4. Степень косвенности РА (конвенциональные косвенные и контекстуально-ситуативные косвенные РА угрозы);
- 4.5. Семантическое наполнение угрозы (физический, материальный, психологический ущерб, ущерб социальному статусу, шантаж, иной ущерб, лишение привилегий, абстрактные угрозы);
- 4.6. Приемы косвенного построения угрозы (умолчание, интонация, риторический вопрос, враждебный намек, иносказание).

Во второй главе мы проанализировали 253 примера употребления РА угрозы. Было установлено, что:

1. 98 примеров содержат угрозу-предупреждение, 84 примера – угрозу-понуждение; 47 примеров – угрозу-наказание; 24 примера – РА, которые могут использоваться для реализации любого типа угрозы (в зависимости от ситуации могут выступать в роли угрозы-наказания, угрозы-предупреждения, угрозы-понуждения).

Угрозы-предупреждения используются, когда адресант угрозы хочет предотвратить нежелательное для него действие. Угрозы-понуждения

используются в случае, когда объект угрозы должен выполнить действие, выгодное адресанту или желаемое им. Угрозы-наказания возникают в ситуациях, когда нежелательное действие уже совершено и адресант хочет наказать объекта угрозы, предотвратить дальнейшее повторение нежелательных действий. РА угрозы обычно сопровождаются такими эмоциями, как возмущение, негодование, гнев, ярость, презрение, ненависть, однако угрожающий может также демонстрировать спокойствие, сидеть в нарочито беззаботной позе (например, сидеть нога на ногу, держать в руках котенка и гладить его) и даже улыбаться. Часто подобное хладнокровие свидетельствует о коммуникативном коварстве субъекта угрозы.

2. 187 РА угрозы связаны с симметричными позициями коммуникантов; 66 РА – с несимметричными позициями, из которых 59 РА адресованы от вышестоящего к нижестоящему и 7 РА – от нижестоящего к вышестоящему. Как мы видим, большая часть речевых реализаций интенции угрозы осуществляется в коммуникации равностоящих и направлены на установление неравенства между коммуникантами (угрожающий хочет получить превосходство над собеседником, показать (доказать), что он сильнее адресата угрозы).

3. Сложных угроз среди наших примеров – 110, простых – 143;

4. В 158 примерах содержались ККРА угрозы, в 94 примерах – КСКРА.

ККРА угрозы преобладают как в монокодовой, так и в поликодовой коммуникации. Можно отметить, что они, как правило, строятся по определенным моделям: 1) простое предложение, как правило, не содержащее условие («я тебя (сейчас) + глагол в будущем времени»; «глагол в повелительном наклонении + указание на ущерб»); 2) сложноподчиненное предложение с придаточным условия («если ты сделаешь это, то я сделаю с тобой это», «ещё раз сделаешь это, я тебя...»); 3) сложноподчиненное предложение с придаточным цели или причины («я тебя + глагол в будущем времени, чтобы ты...»); 4) сложноподчиненное предложение с придаточным времени («я тебя + глагол в будущем времени, когда (пока) ты...»), 4)

сложносочиненное предложение с разделительным союзом «или» («или ты это сделаешь, или я тебя...»).

Поскольку в семантике глагола «угрожать» заложен «подрывной фактор», делающий невозможным успешную реализацию агрессивного речевого действия в случае его эксплицитного выражения («иллокутивное самоубийство»), то при реализации в речи коммуникативного действия угрозы используются языковые формы, служащие конвенциональными средствами реализации других речевых интенций. В рассмотренных нами примерах интенция угрозы была реализована с помощью следующих РА: РА сообщения (64 примера), РА предупреждения (50 примеров), РА обещания (45 примеров), РА вопроса, чаще риторического (40 примеров), полиинтенциональных РА (32 примера), РА предостережения (10 примеров), РА требования (9 примеров), РА приказа (6 примеров), РА предложения (4 примера), РА напоминания (3 примера), РА раздумья (3 примера), РА совета (1 пример), РА просьбы (1 пример). Можем отметить преобладание моноинтенциональных РА (содержаться в 221 примере) над полиинтенциональными РА (32 примера).

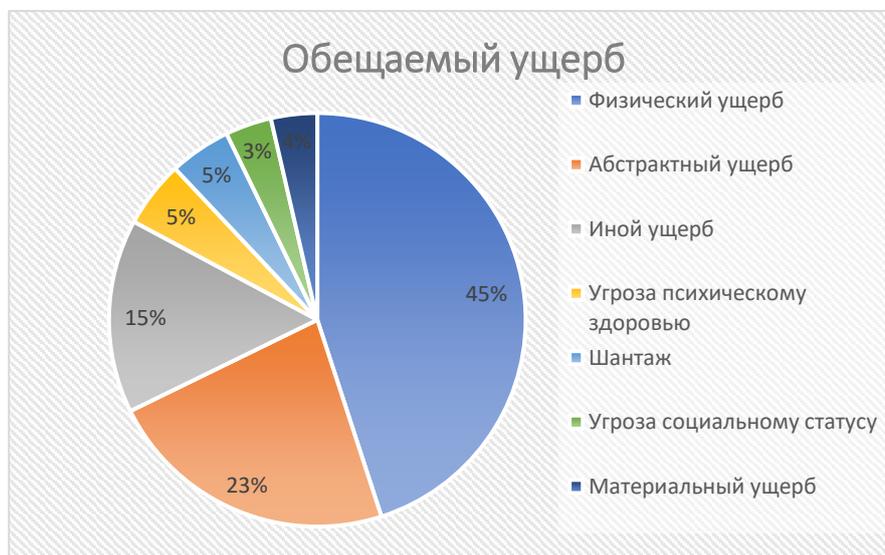

КСКРА угрозы, как правило, выражаются одним РА, представляющим собой простое предложение. Наиболее частотным являются КСКРА в форме требования («Удали», «Молись», «Пиши», «Иди сюда» и др.),

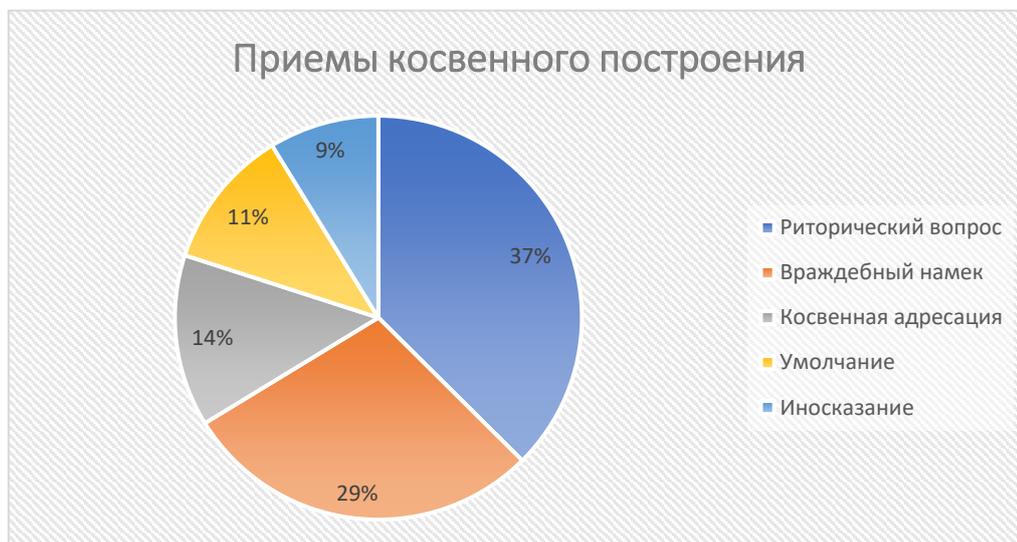
предупреждения, предостережения, сообщения («Сейчас договоришься/досмеешься», «Ты попал» и др.

5. В 87 речевых реализациях интенции угрозы содержатся глаголы физического действия, в 24 примерах – глаголы социальных отношений. В большинстве примеров используются слова и конструкции, имеющие значение физического ущерба. Это может говорить о том, что жизнь и здоровье (свое и близких людей) является одной из основных ценностей в русской языковой картине мира.

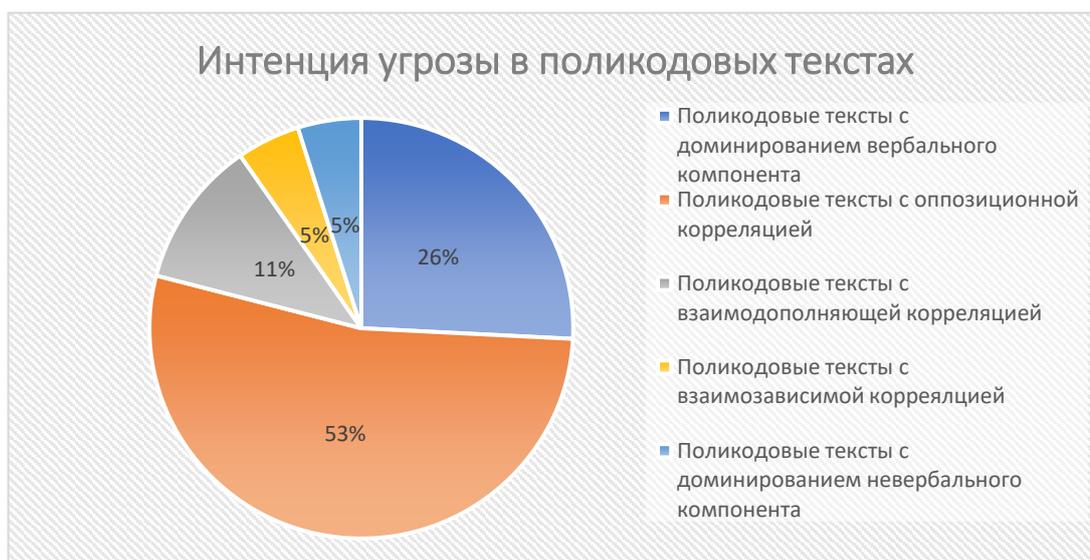
6. В речевых реализациях интенции угрозы выявлены различные виды ущерба для объекта угрозы: 1) обещаемый ущерб: физический ущерб (115 примеров); 2) абстрактный ущерб (57 примеров); 3) иной ущерб, например, понижение в должности, лишение родительских прав, вызов полиции и др. (38 угроз); 4) угроза психическому здоровью (13 примеров); 5) шантаж (12 примеров), который в большинстве случаев выражается с помощью РЖ; 6) угроза социальному статусу (9 примеров); 7) материальный ущерб (9 примеров).

7. Среди приемов косвенного построения угрозы наиболее распространенным является риторический вопрос (30 примеров); враждебный намёк (24 примера); косвенная адресация (11 примеров); прием умолчания (9 примеров); иносказание (7 примеров).

8. В поликодовой коммуникации наиболее частотна оппозиционная корреляция вербального и визуального компонентов (34 примера); далее – поликодовые тексты с доминированием вербальной составляющей (16 примеров); поликодовые тексты с взаимодополняющей корреляцией вербального и визуального компонентов (7 примеров); поликодовые тексты с взаимозависимой корреляцией вербального и визуального компонентов (3 примера); поликодовые тексты с доминированием невербального компонента (3 примера).

В поликодовых текстах большую роль в выявлении менасивного компонента играют невербальные составляющие – изображения, содержащие жесты, мимику, позы, взгляды, связанные с демонстрацией угрозы (хмурый/холодный взгляд, сдвинутые брови, плотно сжатые губы, недобрая улыбка, скалить зубы, широко открыть рот, поднятый вверх указательный палец, стоять руки в боки, ударить кулаком по столу, погрозить кулаком, сжать кулаки и др.). В поликодовых текстах, содержащих угрозу, могут демонстрироваться различные виды оружия (огнестрельного, холодного, газового) или предметы, используемые в качестве оружия (палка, топор, кирпич, бутылка и т.п.). В ситуации семейной ссоры таким «оружием» может быть скалка, сковорода или ремень.

9. Транспонированные угрозы призваны также предотвратить нежелательные действия, но, в отличие от реальных угроз, они реализуются в гармоничном общении, и угрожающий не имеет искреннего намерения причинить вред адресату угрозы (не настроен враждебно), то есть подобные РА угрозы имеют интенцию шутки, мягкого побуждения к действию, эмоциональной разрядки и т.д. В поликодовой коммуникации данные интенции возникают за счет сочетания визуального и вербального компонентов; в монокодовой – за счет сопровождающих РА невербальных компонентов (интонации, мимики, жеста, взгляда и др.). Надо отметить, что в современной поликодовой коммуникации самым частотным типом корреляции визуального и вербального компонентов является оппозиционная корреляция, в рамках которой осуществляется транспозиция угрозы.

Тем не менее, поликодовые тексты могут стать средством трансляции реальной угрозы, если будут соблюдаться условия успешной реализации данной интенции (наличие враждебного состояния у адресанта; адресант должен иметь возможность и искренние намерения причинить вред адресату, если последний не выполнит условие; угроза должна относиться к плану будущего времени).

В заключение отметим, что результаты предпринятого нами исследования могут быть использованы в юрислингвистике и различных курсах по речевому общению, теории дискурса и текста, межкультурной коммуникации, культуре речи и речевому этикету.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений, в связи с чем она требует дальнейшего изучения на уровне магистерского исследования.

Библиография

1. Байкулова А.Н. Речевое общение в семье: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Саратов, 2006. С. 290.
2. Байрамуков Р.М. Речевое действие угрозы в рассказах В. М. Шукшина: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Ставрополь. 2001. С. 195.
3. Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике. Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 139-147.
4. Белова Е.В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Калуга, 2016. С. 171.
5. Белютина Ю.А. Менасивное речевое поведение. Смоленский государственный университет. 2018. С. 140-148.
6. Большакова Л.С. О содержании понятия «Поликодовый текст». Вестник СамГУ. 2008. №63. С. 19-24.
7. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер.2001. С. 352.
8. Ван Вэньцзя. Семейная ссора как лингвокультурный феномен в русской речевой практике: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2018. С. 234.
9. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238—250.
10. Волкова О.С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации "бытовой конфликт": на материале английского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Волгоград, 2009. С. 188.
11. Воронцова Т.А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83-86.

12. Глушак В.М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения: на материале немецкого языка: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. Москва, 2010. С. 430.
13. Грицанов А.А. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом. 2003. С. 1280.
14. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. Саратов, 2000. С. 249.
15. Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов. 2001. С. 42.
16. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ. 2003. С. 1413.
17. Доронина С.В. Речевой экстремизм в бытовой межличностной коммуникации. Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 2. С. 61-66.
18. Дьякова А.А. Функциональный стиль обиходного общения в речевой коммуникации. ПГУ: Университетские чтения. Часть 5. 2005. С. 8
19. Ейгер, Г.В. К построению типологии текстов. Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М.Тореза. Ч. I. М., 1974. С. 103-109.
20. Женисова А.М. Лингвистические признаки угрозы. Школа Науки. 2018. Т. 2. № 4. С. 1-2.
21. Жучков Д.О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа: на материале английского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04/ Жучков Дмитрий Олегович; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж. 2010. С.181.
22. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. М.: Гнозис. 2004. 477 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.ahmerov.com/book_1074.html (дата обращения: 23.03.2020)

23. Кондрашова (Козьмина) В.Н., Поспелова А.Г. Способы реализации косвенной угрозы в английском дискурсе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (78). С. 118-121.
24. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С.224.
25. Кузнецова А.А., Маслакова Е.В. Особенности речевого акта угрозы в русском языке. В сборнике: Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия Материалы V-ой Международной научно-практической конференции. 2015. С. 22-26.
26. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Наука, Флинта. 2003. 838 с.
27. Курьянович А.В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации. Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (48). С. 106-112.
28. Лингвистический энциклопедический словарь (электронный ресурс) [URL: <http://tapemark.narod.ru/les/519a.html>] (дата обращения: 29.11.2020).
29. Литневская Е.И. Разговорная речь в стилистике и коллоквиалистике (к определению понятия). Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 2. С. 12-18.
30. Маслова О.В. Речевая и неречевая агрессия в коммуникативном поведении русских и англичан. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 2. С. 29-35.
31. Митяева Н.В., Пыженко Г.Н. Влияние статусно-ролевых отношений на средства и способы реализации речевого акта угрозы в диалогической речи современного английского языка. Достижения вузовской науки. 2014. № 9. С. 140-145.
32. Мультеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2006. С. 19.

33. Нестерова Т.В. Агрессия в поликодовых текстах. В сборнике: Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. сборник научных работ по итогам Международной научной конференции. 2019. С. 280-291.
34. Новоселова О.В. Коммуникативные маркёры дискурса угрозы. Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 20. С. 20-26.
35. Новоселова О.В. Функционально-семантическая характеристика дискурсивных практик со значением угрозы в английском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 [Место защиты: Твер. гос. ун-т]. Тверь. 2013. С. 194.
36. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С. 944.
37. Оксфордский толковый словарь по психологии. Под ред. А. Ребера. 2013// Интернет-портал «Словари и энциклопедии». [Электронный ресурс] URL: <https://www.psyoffice.ru/6-487-ugroza.htm> (дата обращения: 8.12.2019)
38. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://scienceeducation.ru/ru/article/view?id=7633> (дата обращения: 04.06.2021).
39. Остин Дж.Л. Слово как действие. Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М. 1986. С. 22-129.
40. Плотникова А.М. Лингвокреативные механизмы конструирования речевого акта «угроза». Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2017. № 2. С. 81-88.
41. Пшеничникова А.Б. Гендерные особенности менасивных высказываний в англоязычном бытовом дискурсе. В сборнике: Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе материалы

- научно-практической конференции. Под редакцией: И. Ф. Уманец, Н. В. Барсукова, А. О. Носенко, М. В. Рябикина. 2015. С. 243-250.
42. Рабенко Т.Г., Нестерова Н.Н. Языковые средства реализации речевого жанра угрозы. Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 235-244.
43. Речевая конфликтология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Л. В. Балахонская и др.; редкол.: М. Я. Дымарский (отв. ред.), В. Д. Черняк. Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 215.
44. Романова Н.Н. Филиппов А.В. Словарь. Культура речевого общения [Этика, прагматика, психология]. М.: Флинта. 2016. С. 320 [электронный ресурс] URL: <https://culture.wikireading.ru/31972> (дата обращения: 10.12.2019)
45. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: «Колледж», 2003. 7 с.
46. Сенцова В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике : I сертификационный уровень : Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 21.
47. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов. Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М. 1986. С. 170-195
48. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М. 1986. С. 151-170
49. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. Пособие. М.: Флинта; Наука. 2000. 253 с.: ил. [Электронный ресурс] URL: <https://studfile.net/preview/1101520/> (дата обращения: 23.03.2020)
50. Стеклова Т.И. Угроза. В книге: Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Сибирский федеральный университет. Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 702-703.
51. Формановская Н.И. Речевое общение и коммуникативное взаимодействие. Русская речь. 2014. № 4. С. 55-58.

- 52.Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности рус. яз. и лит. Гос. ин-т рус яз. им. А.С. Пушкина. Москва: Рус. яз. 2002. С. 213.
- 53.Хохлова Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград. 2004. С. 24.
- 54.Шарифуллин Б.Я. Речевые жанры в невербальной коммуникации. Лесосибирский педагогический институт. 2016 С. 18-23.
- 55.Шаталова Ю.Н. Словотворчество в повседневной речи: структурно-семантический и функциональный аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Белгород, 2013. С. 200.
- 56.Шилина А.В. Речевой акт угрозы в гендерном аспекте. В сборнике: Будущее науки. 2018 Сборник научных статей 6-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. Ответственный редактор А.А. Горохов. 2018. С. 381-384.
- 57.Шмыгина О.В. Формы выражения угрозы как способа совершения преступлений. Актуальные проблемы юриспруденции в современном мире. Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Швецова Н.М., Иванцовой Н.В., 2017. С. 281-284.
- 58.Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды: учеб. Пособие. М.: Форум. 2013. С. 400.
- 59.Щербинина Ю.В. Речевая защита: учимся управлять агрессией. Москва: Форум. 2012. С. 303.
- 60.Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. Учеб. Пособие. М.: Флинта: Наука. 2004. С. 221.
- 61.Энциклопедия права. 2015// Интернет-портал “Словари и энциклопедии на Академике”. [Электронный ресурс] URL:

https://encyclopediya_prava.academic.ru/5922/Угроза (дата обращения:
8.12.2019)

62.Энциклопедия социологии. Antinazi. 2009 // Интернет-портал “Словари и энциклопедии на Академике”. [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4325/УГРОЗА> (дата обращения:
8.12.2019)

Приложения

Приложение 1.

Пример № 1.

Всё взорвалось в Князеве злым протестом, всё вскипело волной гнева. Он закричал неприлично: - Дура! Дура ты пучеглазая!.. Что ты сидишь, квакаешь?! Что? Ты хоть слово «государство» напишешь правильно? Ведь ты же напишешь «гасударство»!

- Не смейте так орать! – тоже закричала женщина. – Сергей Николаевич! А, Сергей Николаевич!..

-Сергей Николаевич! – подхватил и Князев ее зов. – Идите-ка сюда – вместе глаза выпучим: тут чявай-то про гасударство! Идите, Сергей Николаевич!..

Сергей Николаевич и вправду появился из двери в глубине...

И стремительно пошёл к Князеву.

- Что? Что это тут?!

- Тут чявой-то про гасударство, - с мстительным злорадным чувством говорил Князев. – Разберись, Сергей Николаевич: может, в твоей тыкве хоть полторы извилины есть...

Щербинина, 2013, с.205

Пример № 2.

— Мама, — убедительно сказал я, даже сам поразившись про себя своей убедительности. — Ну как я могу объяснить тебе то, что объяснить в принципе невозможно?

— А вот будь добр! — заорала мама. — Вот уж постарайся пожалуйста объяснить!

Щербинина, 2013, с.208

Пример № 3.

Получивший двойку школьник идёт после уроков домой и, видя беззаботно играющих во дворе одноклассников, злобно цедит: «Ну и придурки вы все! Козлы!».

Продавец раздражённо жалуется коллеге во время обеденного перерыва: «Как же меня всё достало! Ну разве это жизнь?!».

Разочарованная неудачами в личной жизни женщина сообщает подруге по телефону: «Все кругом подлецы и подонки! Никому нельзя верить!».

Щербинина, 2013, с.210

Пример № 4.

Молодые чиновники подсмеивались и острились над [Акакием Акакиевичем], во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом.

Щербинина, 2013, с.213

Пример № 5.

- Каждая женщина имеет право пожить по-человечески – с квартирой, машиной, деньгами! И нет в этом ничего зазорного! Уж лучше бы я за какого богатого вышла – хоть пожила бы в своё удовольствие! А с тобой за эти пять лет я чего видела, кроме работы и коляски? Зря я маму послушала – надо было аборт делать! Всю жизнь ты мне изломал! Чего ты мне дал, кроме своих прибауток и поговорок? Дай мне сперва квартиру, машину и деньги – а потом я посмотрю, нужно это или нет! А хаять-то все горазды, у кого нет ни хрена!..

Щербинина, 2013, с.213

Пример № 6.

Валерка отличался в классе тем, что мог любого учителя заткнуть за пояс, поэтому его старались лишний раз не трогать, но Галинушка была в ударе, остановиться она уже не могла. Со мной была только легкая разминка.

— Комаров, что ты здесь написал?

— Не знаю, — Комар притворно пожал плечами. — Наверное, глупость, только не знаю еще какую! — Валерка говорил беспечно.

— Какую глупость? — не поняла подвоха учительница.

— Не знаю, — располагающе улыбнулся Валерка. — Есть два вида глупости: полная и вполне достаточная. Решая ваше уравнение, никак не могу сообразить, какую же глупость я совершил, — лицо Комара излучало самую любезность и предупредительность.

— Ты что, издеваешься надо мной? — Галинушка взревела, как сирена пожарной сигнализации.

— Интересная теория, — смиренно выдавил из себя Валерка.

Класс поперхнулся сдавленным смехом.

— Комаров, — не сдерживая эмоций, заорала возмущенно Галинушка. — Ты безмозглый идиот, — как паровоз, она тяжело дышала прямо в лицо Валерке.

— Разве есть идиоты с мозгами? — улыбка все еще бродила по лицу Комара. — Думаю, что вы сказали полную глупость.

Некоторое время Галинушка смотрела на Комара непонимающе, но вот ее взгляд помутнел, и полился нескончаемый бурный словесный водопад. Она разорялась до самого звонка.

Щербинина, 2013, с.239-240

Пример № 7.

Люблю иногда подурочиться просто от скуки. Я повернул шапку козырьком вперед и надвинул на самые глаза. Я так ничерта не мог видеть.

- Увы, увы! Кажется, я слепну! - говорю я сиплым голосом. - О моя дорогая матушка, как темно стало вокруг.

Да ты спятил, ей-богу! - говорит Экли.

- Матушка, родная, дай руку своему несчастному сыну! Почему ты не подаешь мне руку помощи?

- Да перестань ты, балда!

Я стал шарить вокруг, как слепой, не вставая. И все время сипел:

- Матушка, матушка! Почему ты не подашь мне руку?

Конечно, я просто валял дурака. Мне от этого иногда бывает весело. А кроме того, я знал, что Экли злится как черт. С ним я становлюсь настоящим садистом. Злил его изо всех сил, нарочно злил.

Щербинина, 2013, с.240-241

Пример № 8.

Потом Ромашка [прозвище ученицы] берется за "мымру" [прозвище учительницы]. Организует "цирк". Вытаскивает на уроке яблоко, тоненькой лентой чистит его перочинным ножом. Смотрю на "мымру". Вижу, у той бровки лезут на лоб. <...>

- Что ты делаешь, Вяткина? - как бы ласково спрашивает "мымра", хотя шипение тоже слышно, она всегда готова ужалить.

Останавливается около нас, дрожит от злости.

- Понимаете, Владилена Мэлоровна, у меня режим дня... медицинский.
- Смотрит на часы. - Я всегда в это время... - Ромашка снова откусывает, - грызу яблоко.

Кто-то нерешительно хихикает: "мымру" боятся.

- Ты что, мышь? - "Мымра" острит, пытаясь из последних сил спасти положение.

- Нет, крыса! - ухмыляется Ромашка. Ее свекольные щечки белеют от напряжения. И доводит "мымру" до упора: - Могу и укусить.

- Какая все-таки наглость! - "Мымра" звереет, крепко сжимает ладони рук и хрустит пальцами. - Ну-ка вон из класса!

Ромашка лениво встает и выходит, улыбаясь всем и раскланиваясь направо и налево - она же на арене цирка.

Щербинина, 2013, с.241-242

Пример № 9.

Ох, да за што же мне долюшка така-ая-а?.. Да копила-то я их, копила!.. Ох, да лишний-то раз кусочка белого не ела-а!.. Ох, да и детушкам своим пряничка сладкого не поку-пала!.. Все берегла-то я, берегла, скважина ты кривоноса-а!.. Ох-х!.. Каждую-то копеечку откладывала да радовалась: будут

у моих детушек к зиме шубки теплые да нарядные! И будут-то они ходить в школу не рваные да не холодные!..

Щербинина, 2013, с.246

Пример № 10.

- Так! – разозлилась она [врач] и закричала, повернувшись к двери: «Мамаша! Войдите!». [Тактика возмущения: грубо-фамильярное обращение].

Тут же в кабинет влетела мама.

- Что случилось? – испуганно спросила она.

- Я не могу тратить столько времени на вашего мальчика! – звонко произнесла врачиха, приняв величественную позу. – Или он сейчас же откроет рот, или я отправлю вас на наркоз! [Переход к тактике угрозы: враждебное замечание, угроза].

Мама подошла ко мне.

- Послушай, - тихо прошептала она, - чего ты хочешь? Ты хочешь, чтобы я сошла в могилу? [Тактика упрека: попытка мягкого шантажа].

Я медленно, не открывая рта, покачал головой.

- А если бы ты был партизаном? – спросила мама. – Что же, ты бы сразу во всём признался, не выдержав пыток? [Попытка конструктивной тактики убеждения: использование аргумента в форме сравнения].

Но я снова отрицательно покачал головой, начисто отвергая такие нелепые предположения.

- Хорошо, - угрожающе сказала она. – Сейчас мы уйдём отсюда. И пойдём в милицию оформлять документы. Такой сын мне не нужен. [Переход к тактике угрозы: угроза, шантаж, враждебное замечание].

Я заплакал. Страх перед оформлением неведомых документов оказался сильнее страха перед врачихой и бормашиной. Сложившись вместе, оба этих страха вызвали тёплую волну слёз, она шла из горла, с равномерными истошными всхлипами.

- Ну вы уж совсем, мамаша, - недовольно сказала врачиха. – Так тоже нельзя... Ты чего расхныкался? Скажи, чего хочешь, мамка тебе то и купит...

[Смена тактики угрозы на тактику упрёка: упрёк – в адрес матери; приёмы участливого выпрашивания и позитивного обещания – в адрес ребёнка].

Щербинина, 2013, с.292-293

Пример № 11.

1. Хозяйка дома, одновременно с угрозой в голосе и с улыбкой на лице, говорит желанным, но очень редким гостям:

- Но если вы и на Новый год к нам не придёте...

2. Брат таким образом реагирует на болезнь сестры:

- Катька, смотри у меня! ...думай о чем-нибудь хорошем, ни о чём не беспокойся, и всё будет замечательно.

3. Мать, обрадованная приходом дочери, плача, говорит:

- Ленка, я убью тебя! Я с семи часов места себе не нахожу... Как же я рада, милая моя! Прямо от сердца отлегло...

4. Девушка, визжа от радости, кидается на шею своей подруге:

- Варька, я тебя задушу!.. Я так рада тебя видеть!

5. Мать говорит своему восьмилетнему сыну:

- Будешь ругаться – язык отрежу!

- Ай-ай-ай, какие гадкие слова! Вот я сейчас намажу тебе язык мылом!

6. Отец настойчиво спрашивает у дочери об авторе газетной статьи:

Тогда она беспокойно спросила:

- А вы ему ничего не сделаете?

- Я? Я ему – голову откушу! Дурёха! Что я могу сделать?

Хохлова, 2004, С. 73-74

Приложение 2.

Рис.19.http://risovach.ru/memy/v-mire-grustit-odin-kotik_503771/all/103

Рис.22.<http://risovach.ru/kartinka/4836974>

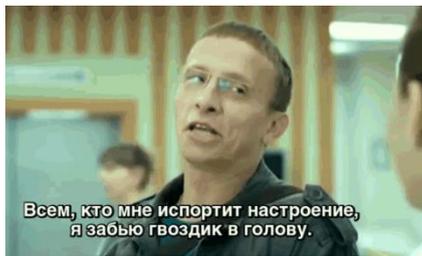

Рис.25.<https://tenor.com/view/good-mood-gif-9997513>

Рис.28.https://i.ytimg.com/vi/ehc3wiPPJ2o/maxresdefault_live.jpg

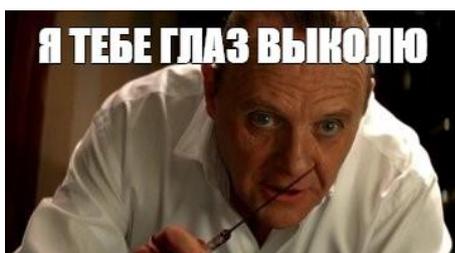

Рис.31.<https://www.meme-arsenal.com/en/create/meme/1048096>

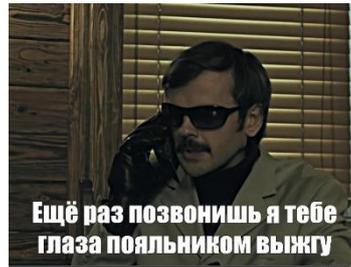

Рис.20.<https://www.meme-arsenal.com/create/meme/2191929>

Рис.23.Обложка фильма "Я закопаю тебя"

Рис.26.<http://risovach.ru/kartinka/12020591>

Рис.29.https://pikabu.ru/story/koalyi_dobryie_na_perviy_vzglyad_1845777

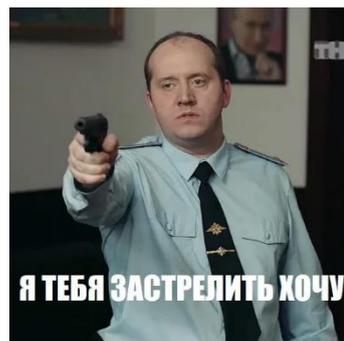

Рис.32.https://chpic.su/ru/stickers/chest_imeu/041/

Рис.33.<http://risovach.ru/kartinka/8468712>

Рис.21.<http://memesmix.net/meme/sv32gk>

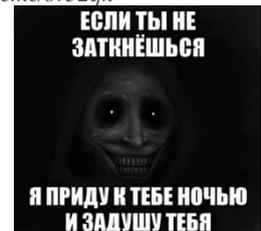

Рис.24.<http://risovach.ru/kartinka/6533460>

Рис.27.<http://risovach.ru/kartinka/5370352>

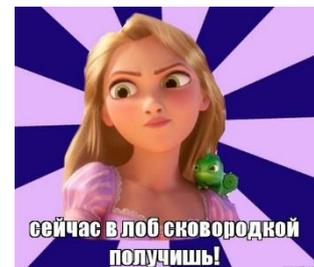

Рис.30.<http://memesmix.net/meme/2it9t2>

Рис.34. <http://memesmix.net/meme/zfdcce>

Рис.35. <https://www.pinterest.ru/pin/722546333951893047>

Рис.36. https://vk.com/wall-200327100_170

Рис.37. https://twitter.com/_zadumchivaya/status/1256407156217319424?lang=ar

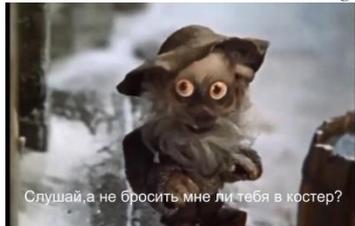

Рис.38. Мультфильм "Домовёнок Кузя"

Рис.39. <https://top100vk.com/135605449/>

Я ВАС СУДАРЬ

ПО ПОЧТОВОМУ ГОЛУБЮ ВЫЧИСЛЮ

Рис.40. pic.twitter.com/W8EySwlySz

Рис.41. <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/1123785>

Рис.42. <http://memesmix.net/meme/fzci6j>

Рис.43. <https://vk.com/id593281371>

Рис.44. <https://twitter.com/Zoubergg/status/1333815261271625730>

Рис.45. <https://www.pinterest.ru/pin/861524603708171683/>

Рис.46. <https://www.pinterest.ru/pin/666884657316213944/>

Рис.47. <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/712916>

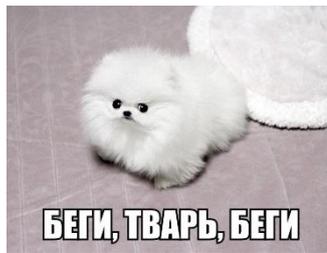

Рис.48. <https://101zabava.club/memy/10369-memy-pro-zhivotnyh>

Рис.49. <http://risovach.ru/kartinka/11301346>

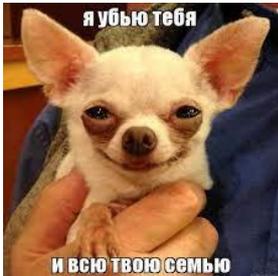

Рис.50. https://vk.com/wall-199147722_9

Рис.51. <https://m.fotostrana.ru/public/post/232639/600134784/>

Рис.52. <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/1605489>

Рис.53. <http://kotomatrix.ru/show/120114/>

Рис.54. <https://forum.tera-online.ru/topic/679/?page=770>

Рис.55. <https://www.pinterest.ru/pin/598415869224047491/>

Рис.56. <http://risovach.ru/kartinka/401462>

Рис.57. <https://memchik.ru/show/5cd49f73b1c7e371bd328762>

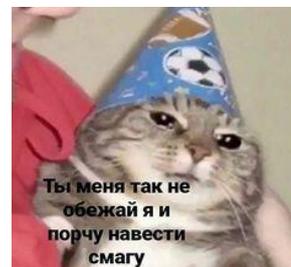

Рис.58. https://twitter.com/GoIden_Cypher?lang=hr

Рис.59. <http://rusdemotivator.ru/demotivatory-pro-zhivotnyh/2110-ne-zli-menya-pacanchik-.html>

пора начистить тебе хлебальник

Рис.60. <https://www.pinterest.ru/pin/824088431802047740/>

Рис.61 <https://twitter.com/05092002ann>

Рис.62. <https://pbs.twimg.com/media/EBcGMT3WwAApc84.jpg>